

АЛЕКСАНДР МОЛЧАНОВ

Писателю придется
решать, что для него
важнее — новая книга
или новая жизнь.

ПИСАТЕЛЬ

Настоящий русский нуар

Русский нуар

Александр Молчанов

Писатель

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Молчанов А. В.

Писатель / А. В. Молчанов — «Эксмо», 2018 — (Русский нуар)

ISBN 978-5-04-092482-0

Страшные девяностые закончились, но поделены еще не все деньги и сферы влияния. В городе идет жестокая борьба за власть, в которую оказывается вовлечен молодой писатель. Победит ли тот, кто сумеет заставить его сказать правильные слова? Что важнее для него самого – принять сторону сильного и потерять себя либо пойти против всех, выбрав собственный путь? Писателю придется решать, что для него важнее – новая книга или новая жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092482-0

© Молчанов А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	42
Глава 17	44
Глава 18	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Молчанов

Писатель

© Молчанов А.В., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Памяти моего брата Сергея

Глава 1

1997 год

Черемуха в Волоковце зацвела в конце мая, и, как всегда в этих широтах, резко похолодало. На улицах опять появились люди в пальто и даже зимних пуховиках. Несчастные, которые оделись слишком легко, поверив календарю, а не градуснику, ежились в своих пиджаках и курточках и перемещались по городу короткими перебежками от магазина к магазину. Разумеется, в магазинах такие посетители ничего не покупали и тянулись не к витринам, а к батареям.

В магазине «Фрукты» на улице Пирогова в эти дни было особенно многолюдно. Собирались здесь в основном молодые люди. Продавщица к ним давно привыкла и не выгоняла на улицу, тем более что «эти» как раз время от времени все-таки что-нибудь покупали. В основном сигареты, пиво и легкую закуску. Кажется, никто из них никогда не брал фрукты.

«Эти» быстро сходились, легко находили общие темы для разговора и никогда не держались дольше трех-четырех дней. Появлялись, мгновенно вливались в коллектив, а потом исчезали навсегда.

Они все были разные – молодые бородачи, крепкие ребята в спортивных костюмах, металлисты в косухах, студенты, хиппи, работяги, золотая молодежь. Разговоры у них всегда были одинаковые – про детское питание, кровати, памперсы и пеленки.

Каждый день ровно в девятнадцать ноль-ноль они выходили из магазина, выстраивались вдоль желтого двухэтажного дома напротив и начинали кричать:

- Галя!
- Лена!
- Вера!
- Алена!

После чего окна на втором этаже открывались, из них выглядывали измученные и счастливые Гали, Лены, Веры и Алены и начинали говорить цифрами:

- Семь и восемь с половиной по Апгару.
- Пятьдесят два сантиметра.
- Три девятьсот.

Ровно в восемь все окна закрывались, и молодые люди с чувством выполненного долга шли по домам – доживать свои последние тихие, спокойные и свободные дни.

А в желтом двухэтажном здании Волоковецкого роддома № 2 дежурные нянечки на каталке развозили малышей по палатам на кормление. Потом было свободное время, когда молодые мамы могли посмотреть телевизор, почитать, поболтать или поспать. Следующее кормление было в полночь, после чего можно было поспать до четырех утра.

Мамочки должны были привыкать к рваному ритму жизни с бесконечными ночными побудками.

Кажется, этот жесткий режим был установлен не для их детей, а для них самих – для того, чтобы лишить их собственной воли.

– Вы теперь не люди, а шкафчики с едой для ваших детей, – любила говорить нянечка Аида, которая проработала в роддоме № 2 больше тридцати лет.

Шкафчики, черт возьми. Кажется, это доставляло ей огромное удовольствие – называть их так.

За эти тридцать лет она повидала всякого и всегда с первого взгляда на роженицу понимала, с кем будут проблемы, а с кем нет.

Нина Шарова ей сразу не понравилась.

«Больно пряткая», – подумала она, хотя Нину провезли мимо нее на каталке. Ее огромный живот был накрыт простыней, и правая рука бессильно свисала вниз и болталась при каждом движении каталки.

Что-то в ней такое было. Может быть, невидящий взгляд из-под полуприкрытых век. Или упрямо поджатые губы.

Ее должны были поместить в палату рядом с холлом, но Аида, не особо отдавая себе отчет в том, что делает, как бы случайно передвинула карточки на стойке, и Нину отправили в угловую палату, самую дальнюю.

Подальше спрячешь – поближе возьмешь.

Нина родила здоровую девочку на следующий день после поступления в роддом. Родила быстро, за два часа. Стремительные роды.

«Как по учебнику», – сказал врач.

Сразу после родов Нина впала в полную протрацию. Отказалась взять ребенка на руки и даже посмотреть на него. А когда анестезия отошла и девочку принесли ей на кормление, отвернулась к стене и сказала:

– Уберите. Не хочу ее видеть.

Все понятно. Недаром никто к ней не приходил ни до, ни после родов. Никто не ждал в магазине «Фрукты», чтобы ровно в девятнадцать ноль-ноль закричать: «Нина!»

Аида такое видела сто раз. Мужик сделал девчонке ребенка и сбежал.

Или жертва изнасилования. Всякое бывало.

Ребенок-то не виноват.

– Отказываться будешь? – спросила Аида.

Нина не ответила.

– Подумай еще. Всю жизнь жалеть потом будешь.

Аида сделала пометку в журнале, доложила о происшедшем врачу, а новорожденную девочку покормила разведенной смесью.

Вечером пришел мужчина. Пожилой, солидный, в дорогом костюме, в пальто. Глазастый, посмотрел на нянечку один раз – как сфотографировал. Даже не так – просветил рентгеном насквозь.

Долго говорил с врачом, закрывшись в кабинете. Потом врач несколько раз носил какие-то бумаги в регистратуру и обратно. А мужчина так и сидел у него в кабинете. Аида не заметила, как он ушел. Но в палату к Нине он не заходил, это точно, она бы увидела. Уже уходя, врач ей сказал, что завтра девочку, которую родила Нина Шарова, заберут. А Нину переведут в стационар. Освободят койку для другой мамочки.

Аида не удержалась и рассказала об этом Нине. Ей было любопытно, что это был за мужчина. Неужто тот самый, который поматросил и бросил?

Нина совершенно не удивилась.

– Это мой отец, – сказала она и отвернулась к стене.

День прошел своим чередом и закончился вовремя. В половине второго ночи, закончив с кормежкой и перебив бутылочки, Аида прилегла на кушетку – подремать часок до следующего кормления.

Она не слышала, как Нина вышла из своей палаты. В руке у Нины была подушка. Нина на цыпочках прошла мимо спящей нянечки, взяла ключ со стойки. Щелкнул замок, дверь открылась.

Нина вошла в залитую синим светом палату, где лежали малыши.

Она медленно прошла мимо ряда металлических кроваток, читая бирки с фамилиями. Остановилась напротив кроватки, на которой спала ее дочь. Подняла подушку. Зажмурила глаза. Накрыла подушкой лицо девочки.

И направила из всех сил.

Глава 2

Раньше Андрею казалось, что написать книгу – это сложное и долгое предприятие, право на которое еще нужно заслужить. Но поездка в Шиченгу и встреча с сельским учителем Кораблевым, который, сидя в деревне, ухитрился написать отличный роман, подстегнула его.

О чем писать – тоже, в принципе, было понятно. Любое воспоминание о Лупоглазом отзывалось головной болью. Сейчас Андрей чувствовал эту боль не как препятствие, а как магнит, ему хотелось продлить эту боль, она была обещанием чего-то настоящего. Андрей почти не удивился, когда однажды утром обнаружил, что сидит за столом на кухне и пишет шариковой ручкой в большой тетради в клеточку.

Он писал по утрам, перед работой. Очень скоро нащупал свою норму – пять страниц в день. Писал без выходных, потому что боялся остановиться, боялся, что после перерыва не сможет начать работать снова.

Даже когда простудился и несколько дней лежал дома с температурой, он находил в себе силы на то, чтобы сесть за стол и написать свои пять страниц. Ровно на полтора часа туман в его голове прояснялся. Но после того как пять страниц были написаны, силы покидали Андрея, и он едва успевал доползти до дивана и проваливался в забытие.

Сначала Андрею казалось, что он пишет что-то «настоящее», роман, который можно будет поставить на полку рядом с книгами Германа Гессе и Томаса Манна.

Но нет, привычки газетчика, набившего руку на криминальных репортажах, взяли свое. Андрей написал детектив.

Он отдал тетрадки машинисткам в редакции. Девушки набрали весь текст за неделю, разделив на троих и работу, и деньги, которые Андрей им заплатил.

Затем Андрей три вечера подряд оставался после работы в кабинете и распечатывал роман на матричном принтере. Два экземпляра по триста страниц. Ж-ж-ж-ж, ж-ж-ж-ж – этот звук надолго останется в его ушах.

Главреду Новикову, конечно, донесли, что Андрей написал роман, но он ничего не сказал.

Андрей исходил из того, что книга, выпущенная журналистом, – это пиар для газеты.

Новиков думал иначе, но пока держал свои мысли при себе.

Андрей отнес роман на почту, купил два больших конверта и отправил в два издательства – «ЭКСМО» и «ВАГРИУС», который издавал книги Доценко про Бешеного. Теперь оставалось ждать ответа.

И тут вдруг Андрей увидел, что, пока он писал роман, время изменилось. Больше не было темноты и уныния, как в середине девяностых. В городе открывались новые магазины, в которых торговали тряпками и сумками. Строились новые здания и в них тоже открывались новые магазины с тряпками и сумками. На улицах стало появляться больше хорошо одетых людей. В городе открывались новые клубы. Построили большой концертный зал, в котором чуть ли не каждую неделю выступали звезды из Москвы. Закрывались только книжные магазины и газетные киоски. Никто не хотел читать книги и газеты, все хотели красивой жизни.

Андрей написал об этом небольшую колонку на пару тысяч знаков. Он не заявлял ее на планерке, просто оставил у наборщиц в лотке, где они обычно оставляли материалы на текущий номер. Вскоре на его столе зазвонил телефон. Это был Новиков, он звонил по внутренней линии.

– Зайди, – сказал он.

Окна приемной выходили на областной суд – именно оттуда Андрей пять лет назад написал свой первый репортаж. В приемной никого не было, Андрей толкнул обитую кожей дверь и вошел в кабинет главного редактора.

Новиков стоял у окна и курил, выпуская дым перед собой. Клубы дыма растекались по стеклу во все стороны. Когда вошел Андрей, Новиков обернулся, рассеянно кивнул на стул рядом со своим столом. Андрей сел. Новиков вернулся за стол, ткнул сигарету в пепельницу и взял два листочка бумаги, скрепленные скрепкой. Андрей узнал знакомый текст – это была его колонка. Новиков, как будто не знал, что делать с этими листочками, крутил их в руках, задумчиво загибая уголки.

– Слышал, ты роман написал, – сказал он наконец.

– Да, есть такое дело, – ответил Андрей.

– Девчонки перепечатывали, говорят – хороший.

Андрей пожал плечами и глупо улыбнулся.

Новиков посмотрел на него сердито.

– А ты понимаешь, что ты его написал в рабочее время, на рабочем месте, его тебе набрали мои сотрудницы, которым я плачу зарплату, и ты распечатал его на моем принтере.

Андрей вспыхнул. Такого он не ожидал.

– Я его дома писал. По утрам. И машинисткам я заплатил за работу.

– Ладно, не важно, – махнул рукой Новиков. – Когда напечатают?

– Не знаю. Отправил, жду ответа от издательства.

– Значит, так. Если твой роман не возьмут, об этом будет известно в городе. Это будет удар по репутации газеты.

– Да ну, кому это интересно.

Новиков хмыкнул и взял еще одну сигарету из лежащей на столе пачки. Щелкнул зажигалкой, закурил. Выпустил дым в потолок, посмотрел на Андрея и хитро усмехнулся.

– Ты все-таки молодой, не понимаешь, как мир устроен. Мы здесь все на виду. С нас глаз не сводят. Вот телефонную линию нам проводили, как думаешь, кто это был?

– Телефончики какие-нибудь, – предположил Андрей.

– Ага, телефончики. Вот проверь, берешь трубку, а там через секунду – щелчок.

– И что?

– А то! Запись включается. Там все про нас знают. И про твой роман тоже знают. И если окажется, что роман ты написал плохой, это используют против нас. Против газеты. Понимаешь?

– Роман у меня хороший, – с обидой сказал Андрей, – его напечатают.

– Вот и славно, – приободрился Новиков, – но вот смотри, какая тогда штука получается. Если у тебя выйдет роман, ты же, наверное, захочешь написать следующий. А потом еще и еще.

– Я об этом не думал.

– Подумай сейчас. Будешь ты еще писать романы или нет?

Андрей пожал плечами.

– Может быть.

– Вот! – радостно воскликнул Новиков. – А если ты будешь писать романы, какой из тебя, к черту, журналист?

– Я что-то не понял, ко мне какие претензии? Я что, плохо работаю? Материалы сдаю вовремя.

– Не в этом дело, Андрюша. Журналист – это художник, который работает с фактами. А писатель – это художник, который работает с эмоциями. Мне здесь писатели не нужны.

– Почему?

– Я не смогу тебе больше доверять так, как раньше. А вдруг ты что-то присочинил? Не увидел что-то? Или увидел что-то, чего нет на самом деле?

– Откуда вы можете знать, что так будет?

Новиков ткнул пальцем в листки, лежащие перед ним на столе.

– Вот отсюда. Вот эта твоя колонка...

– Что, плохая колонка?
– Отличная. Замечательная колонка. Ты смог сформулировать то, что многие даже осознать еще не успели.

– И тогда в чем проблема?

– Это колонка писателя, а не журналиста. Понимаешь, писателя!

– И что в этом плохого? – возмутился Андрей.

– Что плохого? А ты не понимаешь? Ты же сам написал. Мир изменился, Андрюша. Этому миру не нужны писатели. Хочешь быть писателем – черт с тобой. Иди, пиши. Но мы с вместе с тобой туда не пойдем.

– Я что-то вообще ничего не понимаю, – растерянно сказал Андрей, – получается, если у меня не возьмут роман – то вы меня уволите.

– Так точно, – подтвердил Новиков.

– А если возьмут – вы меня тоже уволите.

– Ага, – кивнул Новиков.

– То есть мне в любом случае придется уходить из газеты.

– Вот. Я рад, что ты все понимаешь. Отлично поговорили, – Новиков кивнул, – все, иди работай.

И Новиков снова постучал пальцем по листочкам бумаги на столе.

– Очень хорошая колонка. Поставим на первую полосу.

Андрей вышел из кабинета Новикова, и первое, что он увидел в приемной, – это секретаршу Галю, которая стояла у своего стола и протягивала ему телефонную трубку.

– Из Москвы звонят, – сказала она.

Андрей взял трубку, прижал ее к уху.

Звонил редактор из издательства «ЭКСМО». Он сказал Андрею, что роман его прочитали, роман понравился и его готовы издать в серии «Русский бестселлер». Андрей должен как можно скорее приехать в Москву для подписания договора. Также он обязательно должен привезти текст романа в электронном виде на дискете.

У Андрея заложило уши от счастья, и он не очень хорошо расслышал то, что сказал редактор дальше. Он сказал, что есть одна проблема, которую нужно обсудить сейчас, на берегу. Редактор так и сказал – «на берегу».

– Какая? – хрипло спросил Андрей.

– Дело в том, что у нас уже есть автор Андрей Розанов. Если у нас будет два автора с одной фамилией, читатели будут путаться. Вам придется взять псевдоним.

– Шиченга, – сказал Андрей, не думая ни секунды.

– Что?

– Шиченга, – повторил Андрей, – Андрей Шиченга.

– Шиченга, – взвесил редактор и решил: – Годится. Приезжайте в любой день, кроме пятницы. Не забудьте паспорт и текст романа на дискете.

Андрей положил трубку. Галя посмотрела на него. И вдруг все поняла и улыбнулась.

– Андрей, я тебя поздравляю! Ты молодец.

– Приходите вечером на отвальную, – сказал Андрей, – я увольняюсь.

Галя посерьезнела и покачала головой.

– Может, не надо рубить сплеча?

– Надо! Он тоже пусть приходит.

И Андрей кивнул в сторону обитой кожей двери.

Глава 3

2001 год

«Боинг-717», принадлежавший миллиардеру Борису Михайловичу Касселю, приземлился в аэропорту Волоковца в десять тридцать. Для аэропорта, не принимавшего гражданских рейсов с девяносто первого года, это было большое событие. Весь оставшийся персонал собрался в диспетчерской посмотреть на высокого гостя. Собственно, персонала к этому времени осталось пять человек. Остальных давно сократили. А летчики уже давно находились в бессрочных отпусках и батрачили на африканские компании, перевозя на списанных советских «Яках» наркоторговцев и беженцев из мест боевых действий.

Кассель вышел из самолета через секунду после того, как подали трап. Это был невысокий лысый мужчина в черном пальто. Он сбежал по трапу и нырнул в черный «Мерседес», который, вопреки инструкции, подали прямо на взлетно-посадочную полосу.

– Ах какой мужчина! – вздохнула диспетчер Золотарева, и все присутствующие в диспетчерской с нею молча согласились.

Оказавшись в машине, ах какой мужчина достал из кармана мобильный телефон-раскладушку «Моторола» и набрал номер. Электромагнитный сигнал с телефона взлетел над городом, был пойман гигантской антенной, стоящей на окраине города (говорят, эту антенну построили в конце семидесятых для того, чтобы Брежнев мог поговорить по телефону с Индирой Ганди), зашифрован, потом по проводам отправился в Москву, а из Москвы опять по проводам вернулся в Волоковец на ту же самую антенну, откуда сигнал был направлен в трехэтажное здание из стекла и бетона, стоящее напротив центрального универмага города Волоковца.

Через мгновение в светлом, просторном кабинете на третьем этаже 38-летний генеральный директор «Меркурий-банка» Александр Железняк взял телефонную трубку и прижал ее к уху.

– В гостинице... как она называется?

– «Спасская», – подсказал водитель.

– В «Спасской» через полчаса, – сказал Кассель.

– Может быть, встретимся у меня в офисе? – предложил Железняк.

– Не играй с огнем, – сказал Кассель, – я и так прилетел к тебе из Москвы. Полчаса. И не вздумай опоздать хотя бы на секунду.

И положил трубку.

Через двадцать девять минут Железняк – идеально причесанный, в идеальном костюме, с черным дипломатом в руках – вошел в номер люкс на шестом этаже гостиницы «Спасская». Его слегка удивило то, что ни возле номера, ни в самом номере не было охраны. И двери номера были не заперты.

Кассель в белом пушистом свитере стоял у окна и говорил по своему телефону-раскладушке по-японски. Он почувствовал движение воздуха за спиной, повернулся, кивнул Железняку, показал глазами на стул у окна – мол, присаживайся и поднял палец вверх – мол, дай закончить разговор. Железняк не стал садиться, встал у стены.

– Аригато, Акихиро-сан, – сказал он наконец и бросил телефон на стол. Сел на кровать, снял ботинок и начал что-то из него вытряхивать.

– Такое ощущение, что камень попал, – объяснил он Железняку, – нет, ничего нет. Показалось.

Кассель наконец поднял глаза и посмотрел на стоящего у стены Железняка в упор.

– Боишься? – спросил он.

- Дурак бы не боялся, – спокойно ответил Железняк.
- И чего тогда ерепенишься? Сам же понимаешь, что банк твой мы купим с тобой или без тебя. Зачем меня заставил приехать? Цену мы назвали, она не изменится.
- У меня есть другое предложение.
- Я сказал – цена не изменится, – Кассель повысил голос. – Мальчик, это тебе кажется, что твой банчок – это пуп земли. Ничего он не стоит, ни копейки. Нам нужно здание в центре Волоковца для нового офиса нашего филиала.
- Это неправда, – сказал Железняк.
- Что? – Кассель удивленно поднял брови.
- Вы или не очень понимаете ситуацию в нашем регионе...
- А ты понимаешь? – хмыкнул Кассель.
- У вашего представительства дефицит больше ста двадцати миллионов долларов. Сделка с «Волоковецсталью» при текущем курсе рубля принесет вам убыток еще в семьдесят два миллиона. Это вас не убьет, но вы это почувствуете. Резервов у вас сейчас нет, все вложено в энергетику...
- А ты откуда знаешь? – Кассель потемнел лицом.
- Все из открытых источников. Я умею складывать цифры.
- Продолжай.
- Мое здание стоит четыре миллиона долларов, вас они не спасут, даже если вы заберете здание даром и тут же продадите его втридорога.
- Кассель кивнул.
- Но у нас есть долговые обязательства «Трастового банка»...
- Присядь-ка, – перебил его Кассель. Железняк выдвинул стул и сел, поставив кейс рядом с собой.
- Сколько они вам должны?
- Семьсот миллионов.
- Мы думали, больше.
- Говорю, что есть. Вам этого хватит для того, чтобы подложить этот рычаг под «Волоковецкую сталь» и приподнять их над землей на пару месяцев. Если действовать умно, Курашов сам придет к вам и попросит взять его завод со всеми долгами.
- Кассель двинулся вперед.
- Мне говорили, что ты умный, но я не предполагал, что настолько.
- Теперь вы это знаете, – спокойно сказал Железняк.
- И сколько ты хочешь за свой банк?
- Нисколько.
- Не шути со мной, – рассердился Кассель, – называй цену.
- Еще раз говорю – у вас нет сейчас денег, чтобы заплатить за мой банк столько, сколько он стоит. Столько, сколько он стоит сегодня лично для вас. Нет такой цены.
- И как нам быть в этой ситуации? Раз ты вызвал меня сюда, предполагаю, что у тебя есть решение.
- Да. Я отдам вам банк бесплатно.
- Брови Касселя на мгновение поднялись вверх. Лишь на мгновение, потом он нахмурился.
- Метишь на место Басова?
- Директор вашего Волоковецкого филиала Басов – дурак и алкоголик. Если вы доверите ему эту операцию, Курашов его размажет, как щенка.
- А тебя не размажет?
- Меня не размажет.
- Почему ты так уверен?
- Я женат на его сестре.

Кассель задумался. Потом хлопнул себя по коленке.

– Ах ты, хитрый зайчик какой. Ты все заранее спланировал.

– Как говорил Марк Твен, тот, кто не знает, куда идет, обязательно придет не туда, куда хотел.

Кассель встал и протянул руку Железняку. Железняк тоже поднялся и пожал протянутую руку.

– Четырнадцать процентов, – сказал Кассель.

– И место вашего зама, – ответил Железняк.

– Это само собой разумеется, – кивнул Кассель, – такие мозги, как твои, Железняк, стоят дороже любых денег.

Железняк показал на кейс, стоящий у стены.

– Здесь вся документация. Отдайте вашим юристам...

– Я прочитаю сам в самолете. Мне нужно несколько дней для того, чтобы все проверить и все подготовить. Потом я вернусь со всей своей кавалерией, и мы начнем вечеринку.

– Разумеется, – кивнул Железняк и направился к двери.

– Кстати, ты не хочешь на это время съездить куда-нибудь, не знаю, тетю проведать? Или просто посидеть на даче? Басов, хоть и дурак, может догадаться, чем ему грозит наш с тобой договор. Да и Курашов наверняка уже в курсе, что мы с тобой встретились.

– У меня хорошая охрана, – сказал Железняк.

– Ну смотри, тебе жить.

Кассель взял кейс и поставил его на стол, другой рукой взял телефон со стола. Железняк вышел из номера. Его сердце билось ровно. Он понимал, что дело сделано, и сделано отлично.

Глава 4

Окружной военный психоневрологический диспансер размещался в приземистом белом здании на берегу реки Волокуши, напротив Волоковецкого кремля. Раньше в этом здании была церковь Иоанна Предтечи, в которую ходили жители Заречья.

Сразу после революции с церкви сбросили колокола, а в 1922 году волоковецкие комсомольцы пытались взорвать и само здание, заложив в его основание полтора десятка взятых в карьере динамитных шашек, но старинная каменная кладка выдержала взрыв. Только штукатурка осыпалась.

Комсомольцы покричали, помитинговали и оставили бывшую церковь в покое, переключившись на преследование спекулянтов, а здание стояло заброшенным до начала тридцатых, когда там сделали зерновой склад. В годы войны здесь был госпиталь на сорок коек. Сюда привозили раненых с Ленинградского фронта.

Сюда сразу же после войны был переведен из Ленинграда известный психиатр, автор многотомного труда «Руководство по патологической физиологии», за который он получил Сталинскую премию, Георгий Иванович Маслов. Поговаривали, что Маслова в Волоковце спрятали от надвигающегося ленинградского дела какие-то высокопоставленные покровители. Спрятали, а сами спрятаться не смогли. Так или иначе, в Ленинград Маслов больше не вернулся.

Его задачей была психологическая реабилитация высших военных чинов, чья психика не выдерживала бешеных перегрузок военного времени. С приездом Маслова всех раненых перевозили в трехэтажное здание бывшей гимназии чуть выше по реке, а бывшую церковь обнесли глухим бетонным ограждением, покрытым колючей проволокой.

Следующие семьдесят лет все, что происходило за этим забором, являлось государственной тайной. Поговаривали, что сюда привозили на «лечение» диссидентов из Ленинграда.

Из уст в уста передавались рассказы о чудовищных издевательствах и опытах, которые проводил на пациентах Федор Георгиевич Маслов, сын профессора Маслова, скончавшегося в 1973 году и похороненного на Западном кладбище города Волоковца.

В 1991 году новое демократическое руководство области под давлением общественности инициировало проверку деятельности диспансера. Результаты проверки были немедленно засекречены, а Федор Георгиевич написал заявление по собственному желанию. Оставшиеся до пенсии шесть лет он работал заведующим библиотекой в областной онкологической больнице и о психиатрии больше не вспоминал.

Когда его 14-летний сын, Эрнест Федорович, заявил о желании продолжить дело отца и деда, Федор Георгиевич проклял сына и выгнал его из дома. Эрнест отправился на вокзал в шлепанцах на босу ногу и уехал в Ленинград.

Он поступил в Нахимовское военно-морское училище, которое закончил в 1993 году. Затем он поступил в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова на военно-морской факультет, который закончил в 1999 году по специальности «лечебное дело». За следующие два года на базе Военно-медицинской академии и Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования Эрнест получил специализацию по терапии, психиатрии и психотерапии.

В январе 2001 года он вернулся в Волоковец и уже через час после приезда вошел в приземистое белое здание на берегу реки Волокуши. Его приняла заведующая диспансером врач высшей категории Сальникова Алина Петровна. Она работала здесь недавно и не знала о местных корнях Эрнеста. В нем она увидела лишь хорошо образованного, слишком молодого человека, которому для карьеры нужен опыт и стаж и который поэтому будет готов много и тяжело работать за нищенскую зарплату. В штатном расписании диспансера была вакансия

врача-психотерапевта, закрыть которую не представлялось возможным в силу нереальных для провинциального города требований к соискателю. Эрнест подходил идеально.

На самом деле Сальниковой не нужен был врач-психотерапевт. Предполагалось, что Эрнест будет выполнять обязанности санитаря. Персонал диспансера состоял из подрабатывающих пенсионерок и молоденьких девушек, которые имели обыкновение работать до первой зарплаты, а потом исчезать без предупреждения и навсегда. Мужчины в коллективе не хватало.

Сальникова поздно поняла свою ошибку. Симпатичного, вежливого, исполнительного Эрнеста полюбили, а его молодость компенсировалась его семейной историей. В глазах любого начальства Эрнест как бы стоял на плечах своих знаменитых отца и деда. Как-то само собой случилось, что Эрнест перестал выносить утки, а стал заниматься хозяйственными вопросами, принимать пациентов (в том числе и «со стороны») и общаться с руководством округа. Он мгновенно оброс связями в самых высоких кабинетах. У него появился отдельный кабинет с черной табличкой «заместитель заведующего». Народная тропа в этот кабинет не зарастала.

Всего за полтора года в диспансере сделали ремонт и установили новое оборудование. Девочки и старушки исчезли, их место заняли крепкие молодые ребята призывного возраста, которые зубами держались за эту трудную и низкооплачиваемую работу, потому что стоило Эрнесту Федоровичу поднять бровь – и любой из этих ребят через сутки драил бы пол в Красных Казармах. Пациенты были чистыми и накормленными, получали лечение вовремя. Жалоб не было.

Очевидно, что у Эрнеста Маслова были большие амбиции. Он работал круглые сутки. Начал принимать пациентов по направлению из штаба, а по ночам писал диссертацию по методикам диагностики психиатрических расстройств.

Сальникова на людях не могла нарадоваться на своего зама, шутила на каждом корпоративном чаепитии (в диспансере был строжайший сухой закон) про сало и масло. Пока никто и никогда не поднимал вопроса о том, что Эрнест будет следующим заведующим, но это подразумевалось само собой. Была только одна загвоздка. Сальниковой оставалось шестнадцать лет до пенсии. Это был большой срок.

Маслов не мог позволить себе просто сидеть и ждать полтора десятка лет своей очереди. Его бы просто не поняли. От него ждали активных действий. Маслов это понимал. Сальникова это понимала. И оба они понимали, что скоро начнется война, в результате которой одному из них придется уйти. Нужен был только повод. И повод нашелся.

Глава 5

Начальник службы безопасности «Меркурий-банка» Богдан Журавлев почувствовал неладное уже несколько дней назад. Утром жена, провожая его на работу, спросила:

– Болит желудок? У тебя пахнет изо рта.

Журавлев поморщился. Да черт же возьми! Зачем нужно об этом говорить? У нее, может, тоже пахнет изо рта, но он же не говорит ей об этом при каждом удобном случае.

– Я тебе сколько раз говорила – нужно сходить обследоваться.

Журавлев отметил для себя, что ключевое в этой ее фразе не «сходить обследоваться», а «я тебе сколько раз говорила», хлопнул дверью и вышел из дома.

Он купил по дороге на работу желтый «Холлис» в киоске на углу и подумал, что нужно и правда сходить обследоваться. Обострение гастрита весной и осенью. Привычка к острому и жареному, курение, злоупотребление алкоголем. Но сейчас было как-то по-другому. Журавлеву не хотелось об этом думать, и ему удавалось не думать об этом. Просто сейчас у него стояло перед глазами шестизэтажное мрачное здание, возвышавшееся в конце их улицы, – областной онкологический диспансер. Журавлев знал, как это бывает. У него дядя умер от рака. Перед самым концом был худой как щепка.

На работе Журавлев постарался с головой зарыться в текучку. Нужно было тестировать новую систему сигнализации, потом он должен был завизировать досье на заемщиков, а для этого нужно было хотя бы по диагонали их посмотреть. Колесики дня крутились себе, как смазанные.

Но Журавлев постоянно прислушивался к себе. Он заметил, что старается расположиться в кресле так, чтобы тратить меньше усилий на удержание себя в вертикальном положении. В конце концов он навалился на подлокотник так, что почти лежал.

Боли в желудке не было. Вернее, не так. Боль распространилась, растеклась по всему телу так, что ее невозможно было локализовать в каком-то одном месте. Его как будто облучили радиоактивным изотопом. К горлу подкатывала тошнота. В глазах темнело, а сердце колотилось. Лоб покрылся потом.

– Павлик, я выйду на минуту.

Он встал, вышел из кабинета, прошел по коридору. Кто-то шел ему навстречу, что-то ему сказал. Он ничего не ответил, потому что не понял ни слова и даже не смог разглядеть лицо говорившего.

Он вошел в туалет, подошел к кабинке и протянул руку, чтобы открыть дверцу. Но войти в кабинку он не успел.

Его вырвало прямо на пол, на белоснежный кафель.

За его спиной приоткрылась дверь. Кто-то, чьего лица он опять не мог различить, смотрел на него.

– С вами все в порядке?

Рядом с первой головой в приоткрытых дверях появилась еще одна голова, и опять он не смог различить лицо.

– Да он пьяный!

– Нет, непохоже. Лицо все желтое.

– Надо вызвать «Скорую».

– Я уже сказал Тане, она позвонила.

– Давайте отведем его в кабинет.

– Железняк в офисе, может его увидеть.

Никто не двинулся с места. Для того, чтобы подойти к Журавлеву, нужно было пересечь заблеваный туалет.

Журавлев стоял, пошатываясь, посреди туалета и пытался дотянуться до стены, чтобы опереться на нее. У него это никак не получалось – он стоял чуть дальше, чем было нужно. Ему не хватало каких-нибудь трех-четырех сантиметров. Наконец он поднял мутные глаза, посмотрел на стену и сделал шаг. Его нога вступила прямо в центр рвотных масс, покрывавший пол, поехала в сторону, он поскользнулся и с грохотом рухнул на пол. Сотрудники банка, стоявшие в дверях, зажмурились, услышав громкий треск в момент, когда голова Журавлева соединилась с полом.

Приехавшая через четыре минуты «Скорая» констатировала смерть 42-летнего Журавлева от черепно-мозговой травмы, не совместимой с жизнью.

Позже вскрытие показало, что у Журавлева был острый аппендицит.

Его можно было спасти, если бы кто-то из сотрудников помог ему покинуть туалет и избежать падения на кафель.

Кто-то из банковских остряков тут же пустил шутку, что Журавлев стал вторым человеком после Скрябина, который умер от отвращения. Впрочем, шутка не прижилась, и вовсе не потому, что никто из сотрудников не знал, кто такой Скрябин. Легко смеяться над чужой виной. Чтобы смеяться над своей виной, нужно обладать подлинным величием души.

Или запредельным цинизмом.

Глава 6

«– Идет по улице. Остановился у киоска. Купил газету. Черт, отсюда не видно, кажется, «Комсомолку». Хотя я не уверен...

– Заткнись, Жила. Не засоряй эфир.

– Понял. Больше не буду. Стоит у киоска. Закурил. Оглянулся на нас. Серега, ты видел, он, кажется, нас засек. Что нам делать?

– Не дергайтесь. Старик сейчас подъедет. Он точно вас срисовал?

– Не знаю. Теперь смотрит на дорогу. По-моему, он хочет поймать тачку. Ага, поднимает руку.

– Не дайте ему уйти. Вы за ним и так полдня бегаєте.

– Как не дать? Он сейчас уедет.

– Хватит болтать! Берите его.

– На улице полно народу! У нас просто не получится взять его незаметно.

– А вот на это, ребята, мне совершенно насрать. Не можете взять незаметно – возьмите заметно. Иначе вместо него мне придется предъявить Старику ваши обезображенные трупы. Ясно?

– Ясно.

– Вы все еще в машине, уроды?

Человек в темно-зеленой куртке с капюшоном, стоя на обочине, отчаянно махал проходящим мимо машинам. Стоявшая напротив газетного киоска серебристая «Тойота» вдруг тронулась с места и остановилась возле него. Водитель – плотный усач лет тридцати пяти – перегнулся через сиденье и открыл переднюю дверцу. Человек в куртке растерянно замер.

– Поехали, – сказал водитель, сделав приглашающий жест рукой, – тебе куда, парень?

Тот испуганно оглянулся и сделал шаг назад. В этот момент открылась задняя дверца «Тойоты», и из нее выскочил худощавый верткий пацан в помятом пиджаке. Он подбежал к нему и подтолкнул к машине...

Андрей сидел и смотрел на монитор своего 486-го «пентиума» (целых два гигабайта памяти – Ленинская библиотека). Ему оставалось написать шесть строк до конца своей пятистраничной ежедневной нормы. Но он вдруг почувствовал, что не сможет сегодня это сделать. Он положил руку на мышшь и направил курсор в левый нижний угол экрана. Пуск – завершение работы. Сохранить изменения в документе «Пуля виноватого найдет»? Нет. Где-то в глубине белой коробки задребезжал диск, уничтожая написанные им за сегодня буквы. Экран вспыхнул на мгновение и погас.

Так-то лучше.

Вероника вернется с работы через шесть часов. Ульяну заберет из садика теща.

Андрей был совершенно свободен и не знал, что ему делать с этой свободой.

Его писательская карьера началась блестяще.

Первый роман Андрея «Поединок без жалости» был издан в твердой обложке тиражом пятнадцать тысяч экземпляров. Тираж был распродан мгновенно, и издательство сделало две допечатки. Андрей не получал потиражные, только гонорар, который составил три его месячных зарплаты в газете. Следующий роман – «Убей свою тень» – он написал за два месяца и ничуть не удивился, когда роман был принят к изданию. Его гонорар чуть повысился, на этот раз его хватило на четыре месяца. Андрей начал ощущать себя профессиональным писателем. Его график стабилизировался. Утром он писал, потом гулял, потом читал и смотрел телевизор. Вся его жизнь теперь была подчинена тем утренним часам, когда он сидел за компьютером и писал. Он начинал следующий роман в тот день, когда заканчивал предыдущий.

Когда из издательства пришли поправки в его третий роман «Радиопираты», Андрей был по уши в четвертом романе, «Легкое дыхание смерти». Он внес поправки, но рецензент считал, что он сделал это формально, и роман не был принят издательством. Андрей считал это случайным сбоем и спокойно писал следующий роман. Однако и от него издательство отказалось.

Андрей разослал два новых романа во все известные ему издательства, но ответа не получил.

К его чести, он не сдавался. Он попробовал написать роман в набиравшем силу жанре древнерусского фэнтези – в издательстве отказались его даже читать.

Андрей злился. Деньги, отложенные с первых двух книг, давно кончились. Им приходилось жить вдвоем на зарплату Вероники. Она не жаловалась, но он понимал, что долго так продолжаться не может. У него появилось ощущение, что он бьется головой в стену.

Всего за год или два рынок детективной литературы изменился до неузнаваемости. Книжные магазины были переполнены женскими детективами о любительницах частного сыска. А мужская детективная литература заняла очень узкую нишу с весьма ограниченным тематическим диапазоном – от спецназа до зоны.

Здесь больше не было места «случайным героям», частным сыщикам, журналистам, рекламщикам – словом, обычным людям, которые вдруг оказывались в центре заговоров, интриг, расследований.

Андрей сам был таким случайным героем в мире профессиональной детективной беллетристики, и сейчас этот мир выталкивал его. Место на этом рынке занимали люди, может быть, не обладающие чувством стиля, но у которых было нечто более ценное – уникальный жизненный опыт. Теперь мужские детективы писали в основном бывшие адвокаты, следователи, воры и киллеры.

Андрей по инерции начал новый роман. В его голове выстраивалась красивая сюжетная конструкция с множеством героев. Но в глубине души он понимал, что у него опять ничего не получится. Его новый роман «Пуля виноватого найдет» опять не будет напечатан. И какой смысл был его писать?

Андрей стоял на балконе и курил и смотрел на пустынную улицу. Ему двадцать шесть лет. У него все еще впереди. Он может стать кем угодно – знаменитым телеведущим, кинорежиссером, сценаристом. В конце концов, он еще может стать знаменитым писателем. Он будет продолжать писать. Может быть, это будут рассказы. Или сценарии. Или пьесы для театра. Конечно, черт возьми, он будет продолжать писать. Андрей бросил сигарету, вернулся с балкона в дом, подошел к столу и отключил системный блок от монитора и клавиатуры. Потом он взял системный блок, вышел на балкон, поднял его над головой и швырнул его вниз. Системный блок упал на асфальт и разломился на две части.

– Ты что, с дуба рухнул?

Под балконом стоял бородатый мужик с бутылкой пива в руке.

– Тебе что надо? – с угрозой спросил Андрей.

– Чего? – спросил мужик.

– Жди здесь, я сейчас спущусь.

Андрей сбежал по лестнице, на бегу снимая часы с правой руки. Выбежал на улицу, засунул часы в карман, проскочил мимо киоска и вылетел на улицу. Бородатого мужика и след простыл. Недопитая бутылка пива стояла у бордюра. Рядом лежал развалившийся на две части системный блок.

Андрей развернулся и пошел куда глаза глядят. Глаза его глядели в сторону центра.

Глава 7

В банке только и разговоров было, что о происшествии с Журавлевым. Когда в твой дом заглядывает смерть – это всегда волнующее событие. Особенно когда она заглядывает не к тебе.

Пока не пришло заключение о вскрытии, множились версии – от отравления до самоубийства.

Железняку доложили о происшествии. Он дал очень краткие распоряжения по поводу внутреннего расследования и расходов на похороны, которые, конечно, возьмет на себя банк. И, казалось, забыл об этом. Все его мысли занимала сделка с Касселем.

Сотрудники банка и не представляли, насколько важные решения принимаются сейчас в Москве. Решения, которые изменят его судьбу, судьбу банка, а значит, и всех его сотрудников, а там – чем черт не шутит, и судьбу всей страны.

Перевод в Москву и назначение на высокую должность в холдинге Касселя Железняк рассматривал тоже лишь как очередную ступень – туда, за облака, в большой бизнес и большую политику.

У Железняка была возможность сделать этот поворот в своей карьере раньше, в 1991-м, когда рушились десятилетиями выстраиваемые карьеры коммунистических функционеров, а вверх вертикально взлетали совсем неожиданные люди.

Губернатором тогда стал бывший председатель колхоза с восемью классами образования. В 1996-м он попался на глупейших махинациях с хлебными кредитами и был снят с должности указом президента в разгар предвыборной кампании. Кстати, лето 1996-го – это был второй удобный момент для того, чтобы оседлать волну.

В 1991-м Железняку предлагали место в областной администрации, в 1996-м он мог баллотироваться в областную думу и, при удачном раскладе, претендовать на место председателя. Оба раза он отказывался и сейчас ничуть не жалел об этом.

В 90-е время менялось так быстро, что эти изменения как будто выжигали тех, кто оказывался на виду. Одного неосторожного слова в интервью было достаточно для того, чтобы уничтожить влиятельнейшую фигуру. В такое время лучше стоять в тени.

И Железняк стоял в тени. Копил активы и собирал вокруг себя верных людей. Сейчас он был готов. Готов пойти на Москву. Конечно, Кассель далеко не дурак, и с ним придется повозиться. И это займет время. Может быть, два или три года. За это время Железняк сможет войти в его доверие и обосновать необходимость выдвижения во власть представителя от холдинга Касселя. Для того чтобы получить власть, ему понадобятся все ресурсы Касселя. А потом...

Железняк посмотрел на часы. 17:00. Он всегда гордился своим безупречным чувством времени. Он вышел из кабинета, прошел по коридору и спустился на лифте на первый этаж. Вышел через заднюю дверь и подошел к черной бронированной «БМВ», стоявшей у входа. Сзади подбежал охранник и открыл дверь машины.

Железняк в нарушение инструкции всегда садился на заднее сиденье слева, а охранник – справа. Увидев незнакомое лицо охранника, Железняк удивился:

– А где Богдан?

Охранник испуганно заморгал глазами. И Железняк махнул рукой, вспомнив об утреннем происшествии. Машина тронулась с места. Водитель покосился на Железняка и тихонько включил «Европу плюс» – как всегда, когда они ехали на объект номер шесть.

– Как тебя зовут? – спросил Железняк охранника.

– Павел Пшеницын, – сказал охранник. Круглое лицо, коротко постриженные рыжие волосы. Полноват для охранника. Хотя, с другой стороны, его задача – закрыть охраняемого своим телом. Так что чем больше его тело – тем лучше.

– Давно у нас работаешь?

– Два месяца.

– Я раньше тебя не видел.

– Занимался проверкой заемщиков.

– Этим же вроде какие-то компьютерщики занимались.

Пшеницын покраснел.

– Вот я и есть эти компьютерщики.

Понятно. Железняк отвернулся. Бардак, как и везде. Любое ЧП рушит систему. Начальник службы безопасности, прошедший Афган и Чечню, поскальзывается на собственной блевотине и разбивает себе череп о туалетный кафель, а охранять будущего президента страны отправляют мальчишку-компьютерщика.

Черный «БМВ» пересек весь город за несколько минут и въехал во двор многоэтажного дома на окраине. Улица Воркутинская. Здесь в начале 90-х размещали переселенцев с Севера и бывших офицеров из Прибалтики.

Переселенцы оказались людьми очень деятельными. Район, который поначалу выглядел как несколько многоэтажек, воткнутых в чистое поле, всего за несколько лет пророс деревьями, кустами, клумбами, детскими площадками и стал самым благоустроенным районом города. Сюда провели автобусную и троллейбусную линии, построили несколько магазинов и новую школу.

Цены на квартиры тут же взлетели. Здесь в трехкомнатной квартире на седьмом этаже жила любовница Железняка Марина Лапина и ее 17-летняя дочь Юля.

Квартира Лапиной называлась в банке «Объект номер 6», и все знали о том, что Железняк ездит по этому адресу каждый четверг. Когда машина остановилась, Железняк покосился на Пшеницына. Тот вздрогнул, поймав взгляд шефа, выскочил из машины, обожегал ее и открыл дверь с другой стороны. Компьютерщик, чего еще от него ждать.

Железняк посмотрел на себя в переднее зеркало. Мешки под глазами. Нехорошо. Нужно высыпаться. Он должен быть в форме, ему предстоят несколько трудных лет, после которых будет еще труднее. Подумав так, Железняк улыбнулся и вышел из машины.

Он увидел, как от стены дома отделилась тень. Какой-то человек бежал к ним со стороны дома. Человек был одет во все синее, и у него было синее лицо. Человек бежал, держа правую руку перед собой. Железняк смотрел на бегущего человека как замороженный.

Пшеницын стоял лицом к Железняку и спиной к дому, от которого к ним бежал человек. Прошла секунда или две, прежде чем он увидел отражение бегущего человека в боковом стекле машины. Он изо всех сил толкнул Железняка обоими руками в грудь. Тот упал спиной вперед на сиденье.

Пшеницын развернулся к бегущему человеку и схватил себя рукой за пояс. Но пистолета там не было. Он был в кобуре для скрытого ношения, слева, под мышкой – тоже в нарушение инструкции. Но так уж было принято у них в банке. Железняку не хотелось, чтобы оружие его охранников было на виду – это пугало клиентов. Пшеницын медленно и неуклюже засунул руку себя за пазуху. Тем временем человек почти побежал к «БМВ», он был всего в пяти или шести шагах от нее. В руке у него был большой черный пистолет. «ТТ». Тульский Токарев.

Пшеницын наконец нащупал рукоятку своего «ПМ» и дернул его на себя. Он успел вытащить пистолет, но направить его на бегущего человека не успел.

Тот выстрелил первым.

Глава 8

Однако начала Сальникова с ошибки. Она сидела в своем кабинете и с тоской смотрела на пустой стол. Еще несколько месяцев назад этот стол был завален бумагами. И каждая из этих бумаг означала проблему – счет за электричество, жалоба пациента, заявление сотрудницы. Сальникова не знала, что делать с большей частью этих проблем, поэтому бумаги копились и копились. Теперь заботами Маслова поток был перенаправлен в его кабинет. И уж на его-то столе бумаги не задерживались ни на минуту. В дверь постучали. Через секунду, не дожидаясь ответа, в кабинет заглянул Маслов.

– Разрешите, – сказал он утвердительно и тут же, через запятую: – Я уезжаю до восьми в гарнизон. Вот, подпишите.

Сальникова посмотрела на него с ненавистью.

– Эрнест Федорович, вы со мной разговариваете как начальник с подчиненной, – сказала она и взяла бумагу. Он ничуть не смутился. Смотрел на нее своими ясными глазами и молчал.

Нет, с ним так нельзя.

Сальникова положила бумагу на стол.

– Оставьте, я потом подпишу.

Маслов нахмурился.

– Когда потом? Мне это в гарнизоне нужно отдать.

– Поезжайте, вас ведь там ждут. – Сальникова слегка взмахнула рукой.

Маслов сел на стул рядом со столом. На Сальникову он не смотрел, опустил глаза в пол.

– Я вижу, у нас тут проблема, – сказал он глухо.

– Вы о чем? – спросила Сальникова.

– Вы что-то имеете против меня? – Маслов посмотрел на Сальникову, и его взгляд не был, как обычно, обезоруживающим. В этом его взгляде было настоящее бешенство.

Нужно было отвечать.

– Мне не нравится то, что вы ведете себя как мой начальник. Врываетесь без стука, заставляете подстраиваться под ваше расписание...

– Я не веду себя как ваш начальник. Я просто делаю свою работу!

– Разве сеансы психотерапии с женами офицеров входят в ваши обязанности?

– Ах вот в чем дело! – Маслов прищурился. – Вас беспокоит то, что я приобретаю слишком большое влияние в гарнизоне?

– Нет, меня беспокоит то, что вы не занимаетесь своими непосредственными обязанностями. Ваша частная практика – это ваше личное дело. Занимайтесь ею в нерабочее время.

– А что входит в мои непосредственные обязанности, можно уточнить? Найм персонала входит в мои обязанности? Ведение личных карточек? Проведение ремонта? Переговоры по реструктуризации наших задолженностей по ЖКХ? Что из этого входит в мои обязанности?

Маслов задышался от гнева. А Сальникова внезапно успокоилась. Разговор принял опасный оборот, в любую секунду любой из них мог сказать что-то, после чего их совместная работа была бы невозможна. При этом было понятно, что уйти в этом случае придется Маслову, а Сальниковой этого ухода не простят. Классический цуцванг. Значит, здесь нужно остановиться.

– Эрнест Федорович, давайте не будем забывать о том, что прежде всего вы врач-психотерапевт. Вы должны заниматься нашими пациентами, – примирительно сказала Сальникова.

– Я занимаюсь нашими пациентами. Наши пациенты сыты, одеты, спят на сухом и получают квалифицированную медицинскую помощь.

Маслов встал. А Сальникова наконец вспомнила, о чем она хотела его спросить. С чего на самом деле нужно было начать этот разговор.

– Когда вы в последний раз были в четвертой палате?

– А что там? Старушка-алкоголичка в состоянии овоща, – раздраженно сказал Маслов. Мыслями он уже был далеко – в гарнизоне, там, где его ждали «настоящие клиенты».

– Как вы можете так говорить о живом человеке, – возмутилась Сальникова.

Маслов смутился.

– Да, вы правы. Прошу прощения. Я помню эту женщину. Зайду к ней сегодня же. После гарнизона.

Маслов повернулся к двери.

– Подождите еще минутку, – остановила его Сальникова. – Я понимаю, что ваша частная практика не ждет, но тем не менее.

Сальникова снова с удовольствием сказала это «частная практика». Ей казалось, что Маслову будет довольно обидно это слушать, но он и глазом не моргнул.

– Я прочитала вашу статью о принципах диагностики психических заболеваний в «Медицинском вестнике Северо-Запада», – продолжила она.

– Ну это... – махнул рукой Маслов, явно польщенный.

– Я не знала, что вы пишете статьи.

– Просто обобщил несколько мыслей. Обкатываю диссертацию.

– У меня просьба. В статье указано, что вы – сотрудник нашего диспансера...

– Да, это требование редакции – указание места работы автора.

– Впредь потрудитесь согласовывать со мной ваши будущие публикации.

– Да, конечно, вы правы.

Раунд был еще не выигран. Противник получил удар, но держался на ногах. Теперь нужно было заставить действовать его самого. И действовать именно так, как нужно было Сальниковой.

– В вашей статье есть несколько очень интересных мыслей по поводу диагностики шизофрении.

– Спасибо! – кивнул Маслов.

– Я с вашими идеями категорически не согласна.

Маслов вдруг улыбнулся.

– С чем именно?

– С вашими гипотезами по поводу отказа от медикаментозного лечения и перехода к лечению словом. Мне кажется, это популизм.

– Однако клиническая практика...

– Чья клиническая практика? Ваша?

– Нет, мировые источники...

– Мировые источники мне не указ. Вы, может быть, еще и НЛП практикуете? – Сальникова намеренно выделила голосом «НЛП», дав понять, как она относится к данному явлению.

– Вы так говорите, как будто это что-то незаконное! – воскликнул Маслов.

– А разве нет? Есть инструкция Министерства здравоохранения...

– Эти инструкции составлялись в шестидесятые годы. Сейчас другое время.

– Вы считаете, что за это время человеческая природа так уж сильно изменилась?

– Я считаю, что за это время сильно изменились наши представления о человеческой природе. Может быть, мы еще пустим в ход средневековые методы и будем хирургическим путем извлекать из головы пациентов камни глупости?

– Значит, вы считаете, что сегодня уровень психиатрической науки достиг такого уровня, что мы можем излечить любого пациента?

– Я этого не говорил. Но при правильной диагностике...

– Эрнест Федорович, так мы с вами ни о чем не договоримся. Давайте переведем разговор в практическую плоскость. Вот у нас есть пациентка в палате номер четыре. Поработайте с ней.

– В каком смысле поработать? – не понял Эрнест Федорович.

– В прямом. Как психотерапевт.

Маслов ответил не сразу.

– Вы меня поймали.

– Вы сами себя поймали, дорогой Эрнест Федорович.

– Я уже сказал. Зайду к ней сегодня вечером. После гарнизона, – сказал Маслов.

– Тогда поторопитесь. Вы ведь, наверное, уже опоздали.

Маслов посмотрел на часы и выбежал из кабинета Сальниковой.

Не сказать, чтобы все прошло очень гладко, но в целом ее план сработал. Сальникова представила себя в виде большой пушистой кошечки. А Маслов был облезлой крысой. Сейчас крыса почуяла запах сыра и вошла в мышеловку. Оставалось только ждать, пока крыса вцепится в сыр и мышеловка захлопнется. Выйдя из кабинета, Сальникова мурлыкала про себя.

Вернее, кажется, она делала это вслух.

Глава 9

В замкнутом дворе выстрел прозвучал оглушительно. Пуля просвистела в полуметре от головы Павла, влетела в открытую дверь джипа, пробила кожаный подголовник, а затем – шею водителя. Бедняга схватился двумя руками за горло и запрокинул голову назад. Кровь потоком хлынула на приборную панель.

Нападавший был молодой парень – лет двадцать пять – двадцать семь. Он был одет в синий спортивный костюм. У него была нелепая гопниковская прическа – сзади и по бокам все выбрито, а спереди челка. Он тяжело дышал и, когда он приоткрывал рот, было видно, что слева сверху у него не хватает одного зуба. И он продолжал бежать к машине, целясь в открытую дверь. Он был всего в нескольких шагах, когда Павел поднял пистолет и выстрелил.

Нападавший остановился, сделал шаг в сторону, потом опустился на колени, уткнулся головой в газон и остался так лежать.

– Не выходите из машины! – крикнул Павел, не оглядываясь. Он подошел к нападавшему, наклонился и посмотрел в его широко открытые глаза. Готов. Павел выпрямился и оглядел двор. В некоторых окнах он увидел перепуганные лица местных жителей. Конечно, кто-то из них сейчас вызовет милицию. Это хорошо. Но что-то было не так. Что-то беспокоило Павла. На периферии его сознания крутилась какая-то мысль, которую он никак не мог сформулировать. Что-то связанное с опасностью. Так, сосредоточься, парень. Ты охранник. В твоего шефа стреляли. Ты только что убил человека. Но сейчас все кончено.

Павел вдруг почувствовал, что его спина под рубашкой вмиг стала мокрой от пота. Он все еще не мог уловить мысль, которая была где-то рядом... он был как во сне. Тот момент, когда понимаешь, что это сон, и испытываешь облегчение, а потом вдруг видишь, что сон продолжается и ты никак не можешь проснуться.

– Нет, – сказал вдруг Павел.

Ничего не кончено.

Нападавший не один.

Жители вызовут милицию. У них будут проблемы из-за того, что они сейчас скроются с места преступления.

Плевать.

Павел убрал пистолет обратно в кобуру, подошел к машине, сел рядом с Железняком и закрыл дверь.

– Поехали отсюда, быстро! – сказал он водителю.

– Мы не можем, – сказал Железняк.

– Что? – не понял Павел. – Почему не можем?

Он поднял глаза на Железняка и увидел, что его лицо и костюм забрызганы кровью.

– Что с вами? Вы ранены? – спросил Павел, и тут он увидел, что водитель лежит головой на руле, а его правая рука неестественно загнута назад. Окровавленные пальцы на руке были чуть согнуты, и один из них – то ли безымянный, то ли средний, Павел их с детства путал, – чуть заметнo дергался, как будто водитель пытался нажать на какую-то невидимую кнопку.

– Черт! – сказал Павел. Он вышел из машины, открыл переднюю дверь, встал коленом на пассажирское сиденье, схватил водителя под мышки и потянул на себя.

– Что ты делаешь? – заорал Железняк неожиданно высоким голосом. – Куда ты его тащишь?

– Заткнитесь! – рявкнул Павел. Водитель оказался тяжелым, его руки и ноги болтались, а куртка была скользкая от крови. Однако Павлу все-таки удалось перетащить его на соседнее сиденье. Он захлопнул дверь и пошел вокруг машины, собираясь сесть на водительское место.

В этот момент Железняк слышал негромкий скрип. Скрип-скрип. Он повернул голову влево и увидел ствол ружья. Ствол был прижат к стеклу и двигался слева направо. Он остановился прямо напротив головы Железняка. Банкир непроизвольно поднял руку, закрывая лицо, но, конечно, это было бесполезно. Грохнул выстрел, от которого вся машина вдруг вздрогнула. Как будто какое-то сильное и массивное животное с разбегу ударило ее в бок. Заряд дробы, выпущенный в упор, рассыпался по стеклу ровным кругом диаметром с тарелку. Пуленепробиваемое стекло вогнулось внутрь на два пальца, но выдержало.

Зато отдача от выстрела оказалась такой сильной, что стрелявшего отбросило назад на пару метров.

Павел вышел из-за машины и увидел мужчину в черной кожаной куртке. Он стоял на одном колене, мотал головой и пытался подняться, опираясь на ружье. Увидев Павла, он вскочил на ноги, швырнул в него ружье и кинулся наутек.

Павел открыл дверь машины. И увидел перекошенное от злобы лицо Железняка.

– Догони этого гаденыша! – сказал Железняк. – И убей.

– Хорошо, – сказал Павел.

– Убей его, ты меня понял? – крикнул Железняк. – Не вздумай оставить его в живых.

– Не выходите из машины, – сказал Павел, развернулся и побежал.

Черная куртка мелькнула на другой стороне двора и скрылась за гаражами. Павел в несколько прыжков преодолел расстояние до гаражей и остановился. Он был уверен, что киллер ждет его за углом. Он достал пистолет и, держа его перед собой, сделал шаг в сторону.

Никого.

– Черт!

Мужик в черной куртке удирал в сторону парка. Павел кинулся за ним.

Он пробежал через детскую площадку и выбежал на улицу. Черная куртка маячила впереди. У Павла сердце выскакивало из груди, он тяжело дышал. Расстояние между ним и нападавшим неуклонно увеличивалось.

– Беги, беги, – бормотал Павел. То ли себя подбадривал, то ли мужику в черной куртке подсказывал – не останавливайся, беги от меня, мне не хочется тебя убивать.

Нападавший был уже метрах в ста пятидесяти от Павла. Он оглянулся и посмотрел на Павла. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо.

Павел остановился и махнул рукой.

– Иди ты к черту, – сказал он. То ли мужику в черной куртке, то ли Железняку с его приказами.

Мужик в черной куртке перебежал дорогу и скрылся за кустами на обочине. Павел несколько секунд стоял и смотрел ему вслед.

Потом развернулся и пошел обратно в сторону новостроек.

На него оглядывались. Его лицо и руки были все в крови.

Глава 10

Андрей прошел мимо дома художников с тремя застекленными мансардами – по слухам, в одной из этих мансард днем и ночью бывший классик соцреализма Кузовков рисовал обнаженных красавиц. Напротив дома художников стояла обойная фабрика – Андрей когда-то писал про нее серию статей, когда в 90-е из-за фабрики началась настоящая война между двумя группировками рейдеров и она несколько раз переходила из рук в руки, пока рабочие продолжали рулон за рулоном выпускать страшные обои с зелеными узорами. Этими обоями были оклеены все съемные квартиры, в которых приходилось жить Андрею.

Андрей вышел к реке. Слева осталось кафе «Чайка», в котором его приятель диджей Чикатило, он же бывший рокер по кличке Рыба, проводил в середине девяностых убойные рейв-вечеринки. Сейчас Чикатило перестал отзываться на прежние клички, надел костюм, ездил на «Хонде Цивик» и издавал рекламную газету.

За «Чайкой» стоял остов заброшенного двенадцатиэтажного здания. Когда-то здесь хотели построить пятизвездочный отель для интуристов. Но когда построили здание, то ли оказалось, что земля заболочена и здание может в любую минуту рухнуть, то ли у организации, которая занималась строительством, кончились деньги – тут версии расходились. Так или иначе, стройка была заморожена, и двенадцатиэтажная махина так и осталась стоять над рекой.

Вход в здание был заварен железными листами, а окна на первом этаже забраны решетками, но если подойти поближе, было видно, что в одном месте прутья решетки перепилены и отогнуты в сторону – как раз чтобы можно было пролезть человеку. Под окном стоял деревянный ящик. Тут явно бывали люди.

Андрей встал на ящик, схватился за решетку, потянулся и заглянул внутрь. Темно. Пахнет сыростью. Андрей осторожно, чтобы не разорвать одежду, протиснулся между прутьями и встал на бетонный пол. Тут же поскользнулся и схватился за решетку, чтобы удержаться на ногах.

– Черт, – сказал он, и звук его голоса гулко отозвался в пустых стенах.

Весь пол комнаты, в которой он стоял, был покрыт кучками испражнений, пустыми бутылками, окурками и разорванными пачками из-под сигарет. Осторожно, чтобы не вляпаться, Андрей прошел между кучками и вышел в коридор. В коридоре лежал наполовину выпотрошенный бумажный мешок с цементом и стояло ведро, из которого торчали обгоревшие щепки – видимо, здесь кто-то разводил костер.

Андрей прошел по коридору к лестнице. Посмотрел наверх. Лестница была без перил, но все пролеты были на месте. Андрей пошел наверх. Повсюду он видел следы пребывания человека разумного – пустые бутылки, окурки, консервные банки, целлофановые пакеты, газеты.

Однако во всем здании не было ни одной живой души. Андрей не представлял, что он скажет, если встретит кого-нибудь из местных обитателей. Вряд ли чужака встретят здесь с распростертыми объятиями. Могут и ножичком пырнуть.

Плывать.

Андрей дошел до последнего, двенадцатого этажа и остановился, чтобы перевести дыхание. Коридоры уходили налево и направо. Андрей повернул направо. Он шел мимо ряда дверных проемов. Это были пустые комнаты с черными дырами вместо окон. Они все были одинаковые. Все равно, какую выбрать. Например, эту. Или нет, пусть будет следующая. Андрей вдруг разозлился. Он понял, что просто тянет время. И, не дойдя до конца коридора, он свернул в предпоследнюю комнату. Балконной двери в комнате не было, он вышел через дверной проем и встал на балконе. Перил или какого-то ограждения на балконе тоже не было, прямо под ногами была пропасть. Андрей посмотрел вниз, туда, где через секунду будет лежать его

тело. Внизу была бетонная плита. Годится. Андрею хотелось, чтобы наверняка. Не хватало еще остаться инвалидом.

Андрей поднял глаза и увидел церковь на другом берегу. Это была церковь, в которой Андрей крестился. Про эту церковь Николай Рубцов написал «живу вблизи пустого храма». Он жил вон в том желтом доме. У него там была комната. И Андрей вдруг подумал, что Рубцов мог убивать себя – пьянством, неустроенной жизнью, нездоровыми отношениями, потому что у него была в запасе вечность. А у него никакой вечности нет. Через секунду после того, как он сделает шаг вниз, его мир прекратит свое существование. Его романы, изданные под псевдонимом, не обеспечат ему даже двух строчек в энциклопедии. Разве что в газете напишут – покончил с собой журналист Андрей Розанов.

Андрей почувствовал, как к горлу подкатывает спазм. Он непроизвольно отшатнулся назад, схватился за подоконник, и тут его вырвало.

Нет, он будет жить. Он хочет жить. Он любит жить. Он будет пробовать снова. Будет писать. Он должен жить, чтобы писать.

Андрей вдруг испуганно оглянулся.

Что он делает здесь, в этом опасном месте?

Нужно срочно уходить отсюда.

А вдруг местные обитатели вернутся?

Что, если его убьют?

Андрей выбежал из комнаты и остановился. Куда? Направо, налево? Он забыл, откуда вышел. Где была лестница. В обе стороны расходились совершенно одинаковые коридоры.

К тому же вдруг как-то очень резко стемнело.

И тут слева, в соседней комнате, послышался какой-то звук – то ли треск, то ли скрип.

Андрей прижался к стене.

Звук повторился.

Как будто что-то горело.

Андрей присмотрелся и увидел полоску света. Он подошел ближе к двери и увидел, что она закрыта полиэтиленом.

Андрей прекрасно понимал, что нужно развернуться и уходить, но вместо этого он протянул руку и отодвинул полиэтилен.

Он увидел жилую комнату.

На стене висел толстый красный ковер. У стены стоял диван. Перед диваном – стол. На столе стояли тарелки, бутылки и пластиковые стаканчики. Окно и выход на балкон были завешаны темно-зеленой маскировочной сетью. И свечи – везде: на столе, на подоконнике стояли зажженные свечи.

В комнате никого не было.

– Чего встал, как неродной? Заходи, – сказал смутно знакомый голос за спиной. И кто-то легонько толкнул его в спину. Андрей сделал шаг вперед и оглянулся.

Глава 11

План Сальниковой сработал – по крайней мере, пока. Маслов заинтересовался. Он смутно помнил пациентку, о которой сказала Сальникова. Диагноз – биполярное аффективное расстройство, то, что раньше называли МДП, маниакально-депрессивный психоз. Возраст – около шестидесяти лет. Абсолютно безнадежная пациентка.

Овощ.

Гиблый номер.

Или нет?

Можно ли вылечить безнадежного пациента, если приложить к этому все усилия?

А зачем ее лечить? Ради чего? Ради того, чтобы вернуть в наш мир какую-то никому не нужную старуху? Ради того, чтобы эта старуха смотрела телевизор, сплетничала у подъезда и голосовала за коммунистов? Не лучше ли было бы оставить ее там, где ее место, и заняться молодыми?

Или нет? Или это высокомерие? Кто позволил ему играть в бога? Кто дал ему право решать, выбирать? Его задача – лечить. Любого, даже убийцу, даже педофила.

А здесь – просто возраст. Старость. Она не виновата в том, что ее жизнь почти закончена.

Ведь это предстоит каждому из нас, кроме тех, кому повезет умереть молодыми. Может ли старость быть творческой, продуктивной?

Целиком погруженный в эти мысли, Маслов вполуха слушал своих пациенток в гарнизоне и рекомендации давал путано и невпопад.

Он торопился вернуться в диспансер. Даже взял частника, чтобы не терять времени, хотя всего-то нужно было перейти мост, и вот оно – белое здание диспансера за зеленым забором.

Маслов взял в регистратуре карту пациентки и вошел в палату. Это была узкая, похожая на пенал, келья с маленьким окном. В палате стоял характерный запах – запах старого тела.

Маслов достал из кармана блокнот и сделал пометку – «проветривать». Затем он пододвинул стул и сел рядом с койкой. Пациентка лежала на спине, отвернувшись лицом к стене.

– Здравствуйте, – сказал Маслов, – как вы себя чувствуете?

Конечно, никакой реакции. Маслов наклонился к пациентке. Серая кожа, приоткрытые глаза, черные волосы – редкие и ломкие. Местами седина.

Маслов взял руку пациентки, лежащую поверх одеяла, и слегка нажал на нее большим пальцем. Палец вдавился в ее плоть, а кожа, вместо того чтобы побелеть, так и осталась серой. Подержав секунду, Маслов убрал палец и увидел, что в месте нажатия осталась вмятинка, как будто это было не тело человека, а воск.

– Что-нибудь чувствуете? – спросил Маслов.

Ответа, разумеется, не было.

Он потрогал голову пациентки, провел рукой по затылку. Повреждений черепа вроде бы не было, но нужно сделать томограмму. Для этого пациентку придется везти в Питер. Маслов вздохнул. Сальникова на это не пойдет. Значит, Питер отпадает.

– Моя начальница хочет, чтобы я вас вылечил, – сказал он, – но на самом деле она хочет, чтобы я не справился с этой задачей. Тогда она сможет сказать, что я ничего не умею, что я пустышка.

Маслов встал и прошел по палате к окну и обратно.

– Мне на вас совершенно наплевать. Мне все равно, будете вы жить или нет. Но я должен вас вытащить из вашего состояния. Я понимаю, что вам это не нужно. Не знаю, где вы сейчас находитесь, и уверен, что вам там лучше, чем здесь.

Маслов выпрямился.

– Это нужно не вам. И не мне. Это нужно тем пациентам, которых я вылечу в будущем. Вы понимаете? Вы сейчас как старуха-процентщица, а я как Родион Романович. С той разницей, что мне нужно вас не убить, а оживить. Одна несчастная старуха, от которой зависит будущее психотерапии в России. Как видите, ставки высоки.

На его лице заиграла самодовольная улыбка.

– Вы думаете, что ваша жизнь кончена. Но это не так. Вы сможете радоваться солнцу, чувствовать легкий ветерок на своем лице. Так и будет.

Когда он это говорил, его переполняла гордость. Он – гений. Он видит людей насквозь. Он понимает, как работает человеческий мозг. Он единственный из всех современных ученых обладает властью исцелять людей, и не лекарствами или скальпелем, а самым мощным инструментами из тех, что доступны человеку, – словом.

У него есть сила сказать человеку «встань и иди». И человек встанет и пойдет. Конечно, так и будет.

Сальникова сама станет жертвой своей глупой интриги. Он поднимет эту пациентку, вернет ее в сознательное состояние и сделает ее полноценным членом общества. Он напишет об этом книгу. Его пригласят на телевидение. А потом его вызовут на работу в Москву, и он станет директором собственного НИИ. К нему будут приезжать со всего мира советоваться именитые коллеги.

Так и будет.

Маслов кивнул.

Да, черт возьми, так и будет.

– Я вернусь завтра, – сказал Маслов, – и мы начнем работу. Я составлю план лечения.

И Маслов легонько похлопал пациентку по руке. И его невольно передернуло, когда он увидел след от его нажатия на ее руке.

Это была рука трупа.

Маслов вышел из палаты, запер дверь и пошел по коридору. От его прекрасного настроения не осталось и следа.

Будет трудно.

Возможно, у него ничего не получится.

И эта старуха умрет здесь, так никогда и не увидев солнца и не улыбнувшись ветру.

И он тоже умрет здесь. Они все – пленники этого диспансера, монахи, добровольно отказавшиеся от жизни, живые мертвецы.

Маслов вошел в свой кабинет и сел за стол.

Достал из кармана халата карту пациентки. Это только говорится – карта. На самом деле это была толстая тетрадь, исписанная профессионально неразборчивыми почерками врачей, через чьи руки проходила пациентка.

Перелистал ее, почитал симптомы и назначения. Азенапин, рисперидон – атипичные нейролептики. Все равно что давать витаминки ребенку с температурой под сорок.

Все это нужно отменить. Он разработает совершенно новую стратегию лечения.

Маслов захлопнул карту, оттолкнул ее от себя и увидел на карте дату рождения пациентки. Ему стало жарко.

Дата рождения: 17 февраля 1978 года.

Пациентке недавно исполнился двадцать один год.

Маслов ошеломленно перевел взгляд на имя и фамилию пациентки.

Нина Шарова.

Глава 12

Железняк вернулся в офис около полуночи. В приемной его ждал светловолосый мужчина с помятым лицом. Увидев Железняка, он встал.

– Ждите, – строго сказал Железняк мужчине и поманил рукой секретаршу Татьяну, которая сидела за стойкой, – а ты зайди.

Железняк вошел в кабинет, снял пиджак и бросил его на стул. Татьяна встала у двери. В руках она держала блокнот и ручку.

– Кассель звонил?

Татьяна заглянула в блокнот.

– Да, в 21:32.

– Отлично.

Железняк любил точность, и все его сотрудники это знали.

– Он просил сразу соединить с вами, когда вы вернетесь.

– Я понял. Этот Харатьян как давно тут сидит?

– Он приехал в 21:15.

Железняк посмотрел на часы.

– Через полтора часа после покушения. Быстро сообразил. Он звонил кому-то, пока здесь сидел?

– Нет.

– Точно?

– Я все время была здесь.

– Хорошо. Пусть заходит.

Татьяна повернулась, но остановилась у двери и с тревогой посмотрела на Железняка.

– Александр Викторович, с вами все в порядке? Вы не ранены? Ужас, такое происшествие...

– Таня, теряем время. Все эмоции, сопли – потом, – раздраженно сказал Железняк. Татьяна пулей вылетела за дверь. Через секунду в кабинет вошел Басов.

Железняк стоял спиной к двери, задумчиво смотрел в окно и барабанил пальцами по столу. Басов бесцеремонно прошел к столу, с грохотом отодвинул стол и сел.

– Чего ты меня, как мальчишку, в приемной мурыжишь. Нашел время счета сводить.

Железняк подошел к сейфу, открыл его, достал бутылку коньяка и стакан. Поставил стакан на стол, налил на два пальца коньяка. Стукнул бутылкой по горлышку.

– Давай выпьем, Иван Иванович.

– Я не хочу, – сердито сказал Басов.

– Пей, – сказал Железняк, – я же вижу, что хочешь.

Железняк поднес бутылку к губам и сделал большой глоток. Коньяк упал на дно его желудка горячей бомбой.

– Разве стресс запить, – проворчал Басов, взял стакан и показал его Железняку, – твоё здоровье.

И одним махом опрокинул в рот содержимое стакана. Со стуком поставил стакан на стол.

– Ах, у тебя стресс? – ядовито сказал Железняк. – А у меня тогда что? В меня стреляли. Моего водителя убили. Как ты думаешь, сколько мне надо выпить, чтобы у меня прошел этот стресс? Может, бутылку целиком?

Басов покачал головой.

– Саша, это не я, клянусь тебе.

– Я тебе не Саша! – взорвался Железняк.

– Успокойся, Александр Викторович! Не надо так переживать.

– Мы с тобой не друзья. Если бы эти твои ребята умели стрелять лучше, ты бы сейчас не коньяк пил, а шампанское.

Басов взял стакан и пододвинул его к Железняку.

– Плесни-ка еще.

Железняк поднес бутылку к стакану и наполнил его коньяком – до краев. Басов аккуратно, чтобы не расплескать, поднес стакан к губам и сделал глоток.

– Александр Викторович, давай рассуждать логически.

– Попробуй, – кивнул Железняк.

– У нас с тобой были трения.

– Мягко говоря.

– Из-за ЦБК мы тогда сильно поспорили. В девяносто четвертом.

– Шесть трупов – это ты называешь сильно поспорили?

– Александр Викторович, времена меняются. Так больше не будет. Надо договариваться.

– И о чем мне с тобой договариваться?

– Я не знаю, кто в тебя стрелял сегодня, но это не я. Клянусь.

– Что мне твои клятвы?

– Я же тебе говорю – давай логически рассуждать. Вы договорились с Касселем. Я не знаю деталей, но знаю, что принципиально вы уже все решили. И теперь вы вместе будете играть против Курашова.

Железняк молчал, не сводя глаз с Басова.

– Я же не дурак. В этой ситуации если я против тебя – значит, я против Касселя.

Басов сделал еще глоток.

– Хватит, – сказал Железняк.

Басов послушно поставил стакан.

– Наверное, я бы мог пойти к Курашову и сказать ему, что вы против него замышляете, но он мне не поверит. Скорее он поверит тебе. И будет верить ровно до тех пор, пока ты не выкинешь его из его кабинета.

– Выводы?

– Выводы очень простые, Александр Викторович. Что будет со мной дальше – решать будешь ты. Захочешь – скажешь Касселю, чтобы он меня убрал, и меня уже через два часа зароят где-нибудь в лесу.

– Или?

– Я могу работать на тебя.

– Что у тебя есть?

– Я работал с Касселем семнадцать лет. Я про него много знаю. Я могу быть полезен.

– Говори.

– Я знаю все о его делах с чеченцами в девяносто третьем.

Железняк убрал ополовиненную бутылку коньяка обратно в сейф.

– Хорошо, – сказал он, – я поговорю с Касселем.

– Позвони ему сейчас. При мне, – сказал Басов.

– Нет.

Железняк сел за стол и вопросительно посмотрел на Басова. Тот встал, сгорбившись, и протянул руку к стоящему на столе стакану. Но отдернул руку и сделал шаг назад от стола.

– Подожду в приемной.

– Нет, – опять сказал Железняк, – поезжай домой.

– Хорошо, – кивнул Басов.

И вышел из кабинета.

Железняк взял трубку.

– Таня, соедини меня с Касселем.

– Секунду, – ответила Татьяна. Заиграла музыка. Моцарт. Сороковая симфония. Щелчок.

– Кассель, слушаю, – послышался в трубке знакомый голос.

– Борис Михайлович, это Железняк.

– Вы в порядке?

– Да, я работаю, все по плану.

– Я могу чем-то помочь?

– Мой охранник успел поговорить с одним из киллеров. Это был человек Басова.

– Так.

– Это еще не все. Басов только что был у меня. Пришел прямо в мой офис. Он сказал, что, если я немедленно не разорву наш с вами договор, я сегодня не доберусь до дома.

Кассель помолчал несколько секунд.

– Хорошо. Никуда не выходите. Запритесь изнутри. Заночуйте сегодня в офисе. Утром я вам позвоню.

Железняк положил трубку. Взял стакан с недопитым коньяком и вышел в приемную.

– Таня, убери это куда-нибудь, – сказал он брезгливо.

– Да, конечно. – Татьяна вскочила и взяла стакан у него из рук.

– О, уже первый час, – спохватился Железняк, – поезжай домой.

– А вы?

– Я жду звонка. Заночую в офисе.

– Я вам постелю на диване, – сказала Татьяна.

– Спасибо. Слушай, а можно в это время раздобыть какой-нибудь еды? Я не ужинал.

Таня открыла ящик стола и достала цветную листовку.

– Сегодня сунули в почтовый ящик. Горячая пицца с доставкой круглосуточно. Обещают привезти в течение 30 минут.

– Пицца? – Железняк неожиданно развеселился. – Пусть будет пицца.

Татьяна посмотрела на Железняка с тревогой.

– Мы здесь в опасности? Да?

Железняк широко улыбнулся.

– Мы – нет. Это они в опасности. А мы – мы в полном порядке. В полнейшем.

Глава 13

Андрей вошел в комнату и непроизвольно поднял руки. Человек, который стоял за его спиной, обошел его слева и легонько толкнул кулаком в бок. Андрей застонал:

– Нельзя же так людей пугать!

Это был Леха Чижаков, он работал в «Севере», занимался городскими новостями. Когда-то именно Андрей привел его в газету, когда Леха ушел от родителей и ему нужны были деньги на то, чтобы снимать квартиру.

– А где остальные? – спросил Леха, наклонился и достал из-под дивана пакет, в котором звякнули бутылки.

– Какие остальные? – не понял Андрей.

– Ты не с Оксаной, что ли, пришел?

– Нет.

– А с кем?

– Ни с кем, – растерялся Андрей, – просто... долго объяснять, короче.

Леха пристально посмотрел на него. Андрей постарался принять непринужденный вид.

– Просто гулял тут. Случайно получилось. А вы тут чего, бухаете?

– Ага, – кивнул Леха. – Присоединишься?

Андрей пожал плечами.

– Можно, чего.

Леха поднял руку и потер большой и указательный палец. Андрей кивнул.

– Не вопрос.

Он достал из кармана последний полтинник, свернутый в конвертик, и отдал Лехе. Леха взял купюру, зачем-то понюхал ее и покачал головой.

– Маловато будет. Тут одного пива знаешь на сколько? Если считать на шестерых...

– У меня больше нет.

Леха почесал свернутой купюрой ухо.

– Ладно, будешь должен, – великодушно решил он, – работаем.

И подал Андрею пакет с бутылками.

Из коридора послышалось рычание. Кажется, кто-то изображал из себя солиста группы Death Чака Шульдинера. Через несколько секунд в дверь вошли два парня и две девушки. Никого из них Андрей не знал. Увидев Андрея, они остановились в дверях.

– Знакомьтесь, это Андрей, – представил Андрея Леха, – он писатель.

– Писатель? – Одна из девушек, полная блондинка, смотрела на Андрея с явным интересом, продолжая при этом жаться к своему парню – рыжему верзиле. А вторая, коротко постриженная, с миловидным личиком, одетая в кожаную куртку и черную мини-юбку, смотрела на Андрея исподлобья, недоброжелательно.

– И что ты написал? – невысокий паренек, майка с символикой группы Slayer, два боковых зуба выбиты. Глаза внимательные, – «Войну и мир»?

Андрей сразу почувствовал, что этот парень может быть опасен, и протянул руки вперед, как бы показывая, что он безоружен.

– Нет, «Преступление и наказание».

Парень кивнул без тени улыбки и повернулся к Лехе:

– Он заплатил за бухло?

Леха показал купюру.

– Будем догоняться на эти. Все равно не хватит, я вас знаю, проглотов.

Парень протянул руку Андрею.

– Толик.

– Андрей.

– Юра, – это сказал рыжий верзила.

– Оля, – это блондинка. Если бы не полнота – была бы похожа на Мадонну. И зубы кривые. А так ничего.

– Оксана, – это брюнетка. Какой же у девушки колючий взгляд. И фенечка на руке – хипповский браслетик, набранный из деревянных бусинок.

Сели за стол. Распечатали бутылку «Столичной», достали стакан. Пили по очереди, передавая стакан из рук в руки. В этом процессе главное – не задерживать посуду. Закусывали чипсами. После второй отпустило, разговор пошел.

Оля тискалась со своим Юрой, Оксана курила у окна. Толик прилег на диван и, кажется, задремал.

– Я с суток, покемарю минут дцать, ладно, пацаны? Моя очередь дойдет, поднимайте, наливайте, но не будите.

А Леха придвинулся к Андрею.

– Чем занимаешься?

– Пишу, чем же еще, – соврал Андрей.

– Много платят? Тоже хочу роман написать. Все руки не доходят.

– Ай. – Андрей махнул рукой.

– Чего так?

– Надоело.

– Чего надоело? Писать надоело?

– Ну да. С утра до вечера сидишь и фигачишь. Ни выходных, ни проходных. В газете и то было лучше.

– В чем проблема? Возвращайся.

– Да ну, Новиков меня не возьмет.

– Чего это не возьмет. Легко возьмет. Хочешь, я с ним поговорю?

– Не знаю...

– Давай, чего! Он рад будет. У нас все разбежались, работать некому.

– Ладно, давай потом обсудим.

– А чего потом-то? Давай я хоть завтра с ним поговорю. Он рад будет. Я тебе отвечаю!

– Ладно, поговори.

Андрей встал и подошел к Оксане, которая стояла у окна и курила, глядя на огни города.

– Слушай, у тебя не...

– Пошел на хер, – неожиданно зло прошипела она и повернулась к нему. В ее глазах была такая ненависть, что Андрей отшатнулся.

– Ладно, ладно, извини, – сказал он.

– Не подходи ко мне, понял? Урод.

Андрей вернулся к Лехе за стол. Кивнул на Оксану:

– Что с ней?

Леха махнул рукой.

– Не обращай внимания. С Толиком поругались. Они все время ругаются. Не берет их мир.

– Толик проблемный чувак? – Андрей посмотрел на спящего Толика.

– Не, он нормальный. Он у вокзала работает на платной стоянке, а вот Оксана, она такая...

Оксана вернулась за стол, взяла бутылку, налила себе полный стакан и протянула бутылку Андрею.

– Хочу с тобой выпить.

– Да ладно, – сказал он.

– Выпей со мной, – приказала она, – на брудершафт.

– Если женщина просит, – сказала Оля, – надо ей это дать.

Андрей протянул руку, взял бутылку. Они сцепились руками с Оксаной и выпили. Разом, до дна. Поставили бутылку и стакан на стол. Посмотрели друг на друга.

– Чего ждем? – спросила Оксана. Нет, не колючие у нее были глаза. Бездонные. Как омут. Ухмылка кривая. Вызов. Сможешь, нет?

Они поцеловались. Страстно, долго, с языком.

Леха присвистнул.

Потом на несколько секунд стало тихо.

– Не понял юмора.

Сонный Толик сидел на диване и растерянно смотрел на Андрея и Оксану.

– Все ты понял, – сказала Оксана.

Глава 14

Маслов вернулся в палату. Он включил ночник и сел рядом с кроватью. Он сидел так и смотрел на Нину, которая лежала с полуприкрытыми глазами. Она никак не отреагировала на его появление. Время шло. Маслов сидел и думал.

– Тебе двадцать один год, – сказал он наконец, – я думал, ты старше.

Его голос звучал... странно. Какой смысл говорить что-то человеку, который тебя не слышит. Или все-таки слышит?

– Я не знаю, что с тобой произошло. Что-то очень сильное и страшное, что убивает тебя. Разрушает изнутри. Это может быть органическое повреждение мозга. Может... Но скорее всего... нет, возможно... какое-то сильное впечатление, которое глубоко ранило твою душу. Может быть, ты увидела, как кого-то убивают. Или насилуют. Может быть, это тебя пытались убить. Или изнасиловать.

Маслов провел рукой по лбу.

– Некоторые исследователи считают, что на человека могут воздействовать травмы, полученные его предками. Советская наука таких концепций не просто не признавала, но даже не рассматривала всерьез. Может быть, в этом есть смысл. Почему болеют и умирают маленькие дети?

Маслов вздохнул.

– А может быть, в этом нет никакого смысла. И маленькие дети болеют и умирают просто потому, что у детей слабый иммунитет.

Маслов встал.

– Я ничего о тебе не знаю. Но я обязательно узнаю. Я отправлюсь в твоё прошлое и вытащу из него те травмы, которые тебя убивают. Мы вместе во всем разберемся.

Маслов вдруг улыбнулся.

– Только сейчас понял, что говорю с тобой на «ты».

Маслов вышел из палаты, вернулся в свой кабинет, нашел номер домашнего телефона Сальниковой в списке под стеклом на столе и набрал ее номер.

– Алина Петровна, простите за поздний звонок. Есть у вас минутка?

– Да, Эрнест Федорович, – Сальникова, кажется, ничуть не удивилась, – я просто смотрю телевизор. Что-то срочное?

– Нет-нет, просто хотел поговорить по поводу пациентки. Но если вы заняты, можем поговорить завтра...

– Эрнест Федорович, я еще должна вас и уговаривать продолжить наш разговор? Вот, я выключила телевизор и села поудобнее в кресле. Я готова говорить с вами хоть всю ночь.

– Я сейчас на работе...

– Я так и поняла. Как она?

– Она выглядит, как...

– Как старуха?

– Да.

– Это заставляет задуматься, не правда ли? Ведь у всех нас только одна жизнь. И всех нас ждет то же самое. Или нет, думаете, вас эта чаша минует?

– Нет, я так не думаю.

– У вас есть идеи по поводу пациентки?

– Ее зовут Нина.

– Нина Шарова, да, я это знаю. Она родом из маленького поселка на севере области. Поселок называется Шиченга.

– Я думаю, что с ней что-то произошло. Может быть, там, в этой, как вы сказали, Шиченге? Какое-то событие, которое послужило...

– Да, вы верно рассуждаете. Кое-что произошло. Только не в Шиченге, а здесь, в Волоковце. Нина была беременна. Она родила дочку. Девочка прожила всего сутки.

– Ее ребенок умер?

– Нет, не так. Нина убила свою дочь.

– Что?

– Ночью вышла из палаты, пробралась в комнату, где спали дети, и подушкой задушила девочку.

– Какой ужас. Но почему?

– Этого никто не знает. Сразу после убийства она впала в отрешенное состояние и на вопросы не отвечала. Ее два месяца продержали в СИЗО, а потом отправили на обследование к нам. Она поступила к нам уже в том состоянии, в котором вы ее видели.

– Возможно, это последствия послеродовой депрессии?

– Возможно.

– А кто отец ребенка?

– Неизвестно. Я пыталась навести справки, но следователь, который занимался этим делом, уехал в командировку в Чечню, а потом переехал в Питер.

– Все понятно.

– Ну как, интересное дело?

– Тут другое. Я хочу понять...

– Очень хорошо. Если вам понадобится моя помощь, любая помощь – вы можете на меня рассчитывать.

– Спасибо вам, Алина Петровна. Я постараюсь... – Маслов хотел было сказать что-нибудь такое, чтобы его начальница поняла, что ему можно доверять, что они могут работать вместе, что они могут быть не просто сотрудниками, коллегами, но и друзьями, но почему-то он этого так и не сказал. Не нашел подходящего слова. – Еще раз прошу прощения за поздний звонок.

– Вы можете звонить мне в любое время. Я живу одна и ложусь поздно. Бессонница. Вам, молодым, этого не понять.

– Но нам всем это предстоит, – усмехнулся Маслов.

– Вот именно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Алина Петровна.

Маслов положил трубку. Хорошо поговорили.

Маслов встал, взял стул и приставил его к шкафу. Встал на стул и достал железную коробку из-под кофе. Подцепил край крышки ногтем и открыл коробку. В коробе лежали три сигареты. Синий «ЛМ», облегченный. Вообще-то Маслов бросил курить семь месяцев назад. Он взял одну сигарету, закрыл коробку и поставил ее на место. Слез со стула, прошел в комнату отдыха, где они оборудовали что-то вроде кухни, зажег кремниевой зажигалкой газ и прикурил от синего огонька. «Зажигалка обожги-морду», как мы это называли в детстве.

Вышел на лестницу, посмотрел через открытое окно на засыпающий город. Глубоко затянулся, впустив в легкие дым, сладкий, как забвение.

В голове крутилось какое-то имя. Из школьной программы для внеклассного чтения.

Медея.

Глава 15

Басов вышел из кабинета Железняка, прошел по коридору до лифта, нажал кнопку вызова. Через несколько секунд стальная дверь лифта мягко, без звука открылась. Басов сделал движение вперед и остановился перед открытой дверью. Он смотрел на себя в зеркало на противоположной стене лифта. Серое, помятое лицо. Всклоченные волосы. Костюм. В глазах – страх и отчаяние. Стальная дверь так же мягко закрылась.

Басов развернулся, прошел по коридору до окна и посмотрел вниз. Во дворе стояли две машины. Черный джип Железняка и его нежно-зеленый «Хюндай». Его водитель стоял, опершись спиной на капот, и курил.

Басов уже хотел вернуться к лифту, когда во двор вошли два молодых бритоголовых парня, одетых в черное с головы до ног. Они подошли к водителю и что-то у него спросили. Водитель поднял голову и показал на здание банка – на то самое окно, за которым стоял Басов. Он непроизвольно отшатнулся назад, хотя понимал, что со двора, где уже зажглись фонари, его, стоящего в полутемном коридоре, не видно. Один из парней придвинулся к водителю вплотную и что-то сказал ему на ухо. Водитель замотал головой. Тогда парень, кажется, совсем легонько толкнул его в бок кулаком. Водитель отскочил в сторону, а потом быстро-быстро побежал в сторону от автомобиля. Парни открыли двери машины и сели внутрь.

Все произошло меньше чем за минуту.

Басов в панике оглянулся. Он почувствовал, что задыхается. В его глазах потемнело.

Он развернулся и быстро пошел по коридору. Ткнулся в одну дверь, в другую – заперто. В третью, в четвертую. И вдруг одна из дверей подалась.

Басов вошел в кабинет и тихонько прикрыл дверь за спиной. Огляделся. Небольшой кабинет. Голубые стены. Календарь на стене. Шкаф. Два стола. На столах – пухлые, как колобки, белые с зеленым мониторы «Макинтош».

Басов прислонился к стене и медленно сполз вниз.

Здесь можно отсидеться. Он здесь заночует.

Он сейчас не был способен рассуждать рационально. Он не очень понимал, что будет делать завтра. К тому же выпитый алкоголь пробежал по его венам, капиллярным сосудам, заполняя его изнутри, замедляя все процессы в его организме. Алкоголь успокаивал, расслаблял, убаюкивал.

Все будет хорошо. Все будет в порядке.

Главное, сейчас быть как можно дальше от тех двух парней, которые сидят в его машине. Главное... Басов сам не заметил, как его голова опрокинулась назад, глаза закрылись. Сознание уплыло.

Он заснул.

Однако поспать как следует ему не удалось. Несколько минут или секунд спустя за дверью раздался какой-то звук. Басов открыл глаза и встряхнул головой. Он не сразу понял, где он находится. Он сидел на корточках спиной к двери. А из-за двери доносился шаркающий звук. И негромкий скрип.

Это была уборщица с тележкой. Она медленно шла по коридору, приближаясь к кабинету, в котором спиной к двери на корточках сидел Басов.

Он окончательно пришел в себя. Мутило, во рту был паршивый привкус, но он достаточно ясно понимал, что будет, если его здесь найдут.

Встал на одно колено, прижал ухо к двери и прислушался.

Слушал, как уборщица открывает ключом кабинет за кабинетом, входит в каждый из них, возится там несколько минут, потом выходит, запирает кабинет и идет дальше.

Так прошло около двадцати минут. А может быть, около получаса. Или даже сорок минут. Басову не пришло в голову посмотреть на часы. Он ждал того момента, когда уборщица подойдет к «его» двери, к двери кабинета, в котором он сидел, припав ухом к замочной скважине. Он оглядел кабинет. Спрятаться негде. Под столом? Уборщица обязательно будет там мыть. За занавеской? Наверняка она будет проверять, закрыто ли окно. Басов двумя руками вцепился в дверную ручку. И тут же в дверях щелкнул и повернулся ключ. Тишина.

Уборщица почувствовала, что дверь не заперта. Ключ остался в замке. Легонько-легонько дернулась дверная ручка. Басов держал ее крепко. Ручка дернулась сильнее. Басов держал. Кажется, все-таки ручка подалась в его руке на тысячную долю миллиметра. Басов понял, что живая рука уборщицы почувствовала его живую руку на дверной ручке с другой стороны двери.

Басов представил картинку – он распахивает дверь, видит уборщицу – немолодую полную тетку в синей униформе, бьет ее по лицу. Она падает на пол, ее голова разваливается на две половинки, ее серый мозг расплескивается по коридору.

Щелчок, писк. Женский голос.

– Сережа, я на четвертом этаже. Кабинет четыреста восемь. В кабинете кто-то есть. Дверь не заперта, изнутри кто-то держит ручку. Да, немедленно поднимайся.

Щелчок. Писк. Рация.

Быстрые шаги. Уборщица уходила от двери – от греха подальше. Сколько у него осталось времени до того, как сюда поднимется Сережа? Сережа этот наверняка вооружен.

Басов подбежал к окну, посмотрел вниз. Под окном – крыша соседнего здания. Сколько до нее? По прямой – метра три. Три с половиной. В школе он прыгал на четыре с половиной. Это было двадцать лет назад. Двадцать два.

Басов распахнул окно, залез на широкий подоконник и... остановился. Он стоял в окне и смотрел вниз. Четыре этажа, а внизу – асфальт. За углом, буквально в нескольких метрах – двор, где стоит его машина, в которой сидят парни в черных кожаных куртках.

Нет. Он не будет этого делать.

Басов отодвинулся от окна.

За дверью послышались голоса. Это уборщица привела охранника.

Басов прыгнул.

У него почти получилось. Он допрыгнул, смог схватиться обеими руками за крышу, но пальцы не выдержали тяжести его тела, разжались, и он рухнул вниз. На лету он зацепился правой рукой за открытую форточку на втором этаже. Распорол кожу и выдернул из руки вену, из которой тут же хлынула кровь.

Но он этого не успел заметить, потому что всей тяжестью рухнул на асфальт. Хрустнули, ломаясь, кости обеих ног.

Боль хлынула со всех сторон и взорвалась изнутри.

Басов заорал изо всех сил. Он орал до тех пор, пока из соседнего двора не прибежали два парня, одетых в черное. Они ничуть не удивились. Один из них положил Басову руку на плечо, обхватил второй рукой его голову и дернул изо всех сил. Крик оборвался. Парни подхватили тело за руки и за ноги и потащили за угол, в машину.

За всем этим из окна четвертого этажа наблюдали охранник и уборщица. Когда все закончилось, охранник закрыл окно.

Глава 16

Дракой это было назвать трудно. Толик и Андрей сцепились и тянули каждый в свою сторону, тяжело дыша.

Ольга взвизгнула.

– Э, давайте без этого! – сказал Леха и сделал движение вперед – как бы показал, что хочет их разнять. Рыжий Юра его остановил.

– Пусть пацаны сами разберутся, – веско сказал он.

Но драка как-то не заладилась. Ни Толик, ни Андрей ненависти друг к другу не испытывали и дрались, как бы отбывая повинность. Это было видно.

– Да врежь ты ему уже! – сердито крикнула Оксана. Андрей оттолкнул Толика, и в этот момент тот ударил его снизу в лицо. Андрей закрыл лицо руками и отошел к стене. Толик в растерянности остановился, оглянулся на Оксану.

– Чего, довольна? – спросил он. – Этого хотела?

– Пошел ты, – сказала она, – видеть тебя не хочу.

– Знаешь что? – взорвался он. – Пошла ты сама! Не звони мне больше.

Взял со стола бутылку с остатками водки и вышел.

Оксана подбежала к двери и, встав в проеме, закричала ему вслед:

– Сам ты пошел! Урод.

Толик вернулся. Через дверной проем в неровном свете свечей было видно, как он с размаху ударил Оксану по лицу – не открытой ладонью, а кулаком. Оксана стояла, смотрела на него и вдруг захохотала.

– Урод! – сказала она. – Показал себя по всей красе. Иди, гуляй.

Толик ушел.

– Вечер перестал быть томным, – сказал Юра.

На этом вечеринка закончилась. Оксане приложили к скуле бутылку с пивом – чтобы не было синяка. Юра предложил было сходить и купить еще водки, но Ольга дернула его и что-то зашипела ему на ухо – видимо, у нее были свои планы и на Юру, и на этот вечер. А Леха вдруг вспомнил, что завтра ему на работу.

– В общем, мы договорились, – сказал он Андрею, изо всех сил стараясь не встретиться с ним взглядом, – завтра приходи часикам к двенадцати.

– Куда?

– Как куда? В контору. Мы же договорились. Я поговорю с шефом.

– Ты его в редакцию хочешь устроить? – спросила Оксана.

– Ну да, – неожиданно смутился Леха.

– Ладно, вы идите, я тут приберу, – сказала она и взяла Андрея за руку, – а ты останься, поможешь мне.

Леха и Ольга двинулись к выходу, подталкивая упирающегося Юру. Выходя, Юра оглянулся и успел увидеть, как Оксана положила Андрею руку на плечо, а потом Ольга дернула его за руку и увела из комнаты.

Андрей и Оксана быстро разделись и упали на скрипучий диван. Они занимались любовью несколько часов подряд, время от времени делая короткие перерывы. Но даже во время перерывов они не разжимали объятий.

– Я тебе нравлюсь? – спрашивала Оксана.

– Нормально.

– Ты что, идиот? Кто так отвечает девушке?

– А как нужно отвечать?

– Что я любовь всей твоей жизни.

- Ты любовь всей моей жизни.
- Врешь.
- Говорю то, что ты хочешь услышать.
- У тебя было много девушек?
- Не очень.
- Ты девственник?
- Нет. Я женат. У меня есть дочка.
- Может быть, это не твоя дочка.
- А чья?
- Не знаю, может, твоя жена завела любовника.
- Глупости.
- Поцелуй меня.

Он целовал ее, и все начиналось снова до тех пор, пока не рассвело. Солнце вставало над городом. Оксана вышла на балкон и встала там – голая, прекрасная, раскинув руки.

– Здравствуй, древняя столица! – закричала она. – Хватит дрыхнуть, проснись и посмотри в глаза своему будущему!

И вдруг она пошатнулась и схватилась рукой за дверной косяк. Обернулась и посмотрела на Андрея. Она выглядела испуганной.

- С тобой все в порядке? – спросил он.
- Нет, – сказала она, покачив головой, – со мной очень все не в порядке.
- Иди сюда, – сказал он.

Оксана вернулась в комнату и начала собирать свою одежду, разбросанную по всей комнате, и одеваться.

- Уходишь?
- Я замерзла.

Он лежал и смотрел на нее.

- А мне жарко.
- Потому что ты дебил.
- Нормальная заявка.
- Вы все дебилы. Все мужики.

– А, ну все понятно. – Андрей прикрыл глаза. И вдруг почувствовал, что Оксана пинает его по ноге. Он отдернул ногу.

- Ты чего?

Она нависала над ним, держа в руках джинсы.

- Чего тебе понятно?
- Ничего.
- Вот и молчи.
- Я и молчу.

Точно, шизанутая. Оксана быстро оделась, потом сняла с руки фенечку и протянула ее Андрею.

- Носи не снимая.
- Зачем?
- Значит, надо. Обещаешь?
- Хорошо.

Андрей взял фенечку, покрутил ее в руке.

- Надень прямо сейчас.

Андрей надел фенечку на левую руку.

- Все, я пошла. Удачно тебе устроиться на работу.

И Оксана ушла.

Глава 17

Когда Павел Пшеницын перебрался из Шиченги в Волоковец, первое время он жил в общежитии льнокомбината. Но там было, скажем прямо, не слишком феншуйно. Мужской туалет один на три этажа, по вечерам трудяги сидели в коридорах на корточках и, за неимением денег на спиртные напитки, употребляли всякую спиртосодержащую дрянь от стеклоочистителей до лосьонов и дезодорантов. Употребив, они становились дурные и лезли драться. То, что Павел когда-то работал в милиции, почему-то быстро стало известно и популярности ему не прибавляло.

Последние полгода Павел снимал однокомнатную квартиру на улице Рабочей. Это был двухэтажный барак, построенный в конце шестидесятих годов. Видимо, мебель в квартире была приобретена тогда же и осталась с тех времен. Лендлорд, которого Павел нашел по объявлению в «Севере», был всклокоченный тощий мужичок лет сорока. Звали его Боцман, но не потому, что он служил во флоте, а потому, что Борис. Он сообщил Павлу, что недавно нашел в микрорайоне Бывалово любовь всей его жизни и собирается переселиться к ней. А квартиру будет сдавать «для получения дополнительного дохода». С тех пор он регулярно появлялся каждое пятое число, забирал свои деньги и исчезал. Павла он оценивал как человека положительного, хотя и «не светского», потому что Павел по вечерам не выходил пить с мужиками пиво на скамеечку перед домом. Квартира Павла вполне устраивала, поскольку семьей он пока обзаводиться не собирался. А для перекантоваться – самое то. Вообще, Павел подумывал о том, чтобы поступить в институт и получить высшее юридическое образование. А лучше финансовое. Однако вступительный экзамен по английскому языку высылся непреодолимым барьером. Со школьных времен дальше «ху из эн дьюты тудей» Павел не продвинулся. Хотя даже учебник купил в «Букинисте». Эккерзли, первый том. Он решил, что для поступления в институт ему хватит первого тома.

После покушения Павел вернулся домой поздно. Уже за полночь. Когда подходил к дому – увидел, что на первом этаже, в его квартире, горит свет. Странно. Боцман никогда себе такого не позволял. Запасной ключ у него был, но он всегда приходил, когда Павел был дома, и всегда стучался.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Павел вошел в прихожую и увидел полоску света, пробивающуюся из-за двери на кухню, и услышал голоса. Подошел к двери, прислушался.

– Это не те пельмени, что были раньше. Вот в наше время делали пельмени – так это пельмени. Размером с кулак, твердые, крепкие, нажористые. А это просто слякоть какая-то.

Павел открыл дверь. За столом сидел Боцман и какая-то баба. И оба они ели пельмени из небольшого тазика. Пельмени, очевидно, были взяты из морозилки. Его, Павла Пшеницына, пельмени.

– Вы чего, офигели? – спросил Павел.

Баба подняла на Павла мутные глаза.

– Это что за хрен? – спросила она.

– О, Павлик пришел! – весело сказал Боцман. – Присаживайся, поешь с нами. Тут еще осталось. Правда пельмени – не такие, как раньше. Вот раньше были...

Павел схватил Боцмана за шкварник и выдернул его из-за стола. Тазик опрокинулся, и пельмени разлетелись по всей кухне.

– Хулиган! – взвизгнула баба. – Щас милицию позову.

– Я сам милиционер, – сказал Павел и потащил Боцмана к двери. Тот не сопротивлялся, стараясь быстро-быстро перебирать ногами, чтобы не упасть.

– Павлик, я все объясню, – бормотал он, – у меня тут ситуация, эта баба из Бывалова...

– Мне по хрену на твои проблемы, понял? – сказал Павел. – У нас с тобой договор официальный на сдачу квартиры. Квартира оплачена до пятого числа. Ты проник в чужое жилище.

– Как это в чужое? Это моя квартира! Ты что, черный риелтор? Я в суд подам, – завозился Боцман, делая слабые попытки вырваться.

– Подавай, – сказал Павел, – я тебя посажу, придурок, понял? За проникновение со взломом.

– Какой взлом? У меня ключ есть, это моя квартира! – запричитал Боцман.

– Твоя-твоя, – успокоил его Павел, – а вот пельмени мои. У тебя приводы есть, судимости? Будут!

И Боцман сник. Павел вытолкнул его в коридор.

– Чтобы раньше пятого я тебя здесь не видел.

И закрыл дверь. Боцман тут же заскребся в дверь.

– Эй, Лушку-то выпусти.

– Ах, блин, я про нее забыл совсем.

Павел вернулся на кухню и увидел открытое окно на улицу. Подруга Боцмана сочла за лучшее ретироваться через окно. Благо первый этаж, невысоко.

Павел закрыл окно, с отвращением посмотрел на разбросанные по полу пельмени.

– Завтра уберусь, – пообещал он, – сегодня сил нет.

Он вошел в комнату, рухнул на кровать прямо в одежде и заснул.

Однако поспать ему так и не удалось. Около двух часов он проснулся от ощущения, что в комнате кто-то есть. Открыл глаза и увидел, что в кресле рядом с кроватью сидит Боцман. Павел не сразу понял, что это не сон и в кресле сидит самый настоящий Боцман.

– Боцман, я тебя предупредил, – сказал Павел, – раньше пятого числа тебе здесь делать нечего. У нас договор, квартира оплачена.

– Павлик, извини, – жалобным голосом сказал Боцман, – извини, что так с пельменями получилось. Я тебе деньги верну.

– Какие деньги? – не понял Павел.

– За остаток месяца. Она меня выгнала.

– Кто она?

– Эта коза из Бывалова.

– Не моя печаль.

– Павел, так нельзя. Это же моя квартира!

Павел вздохнул.

– Заманал ты меня. У меня был трудный день. Я спать хочу. Иди на кухню, составь стулья и там спи. А здесь не маячь. Утром я уйду, и твоя прекрасная квартира останется тебе.

Боцман встал, покачнулся – запахло перегаром. Он был вдупель пьян. И ушел на кухню. Он долго-долго там что-то бормотал, а потом с кухни вдруг пошел сильный запах, который ни с чем нельзя спутать.

Павел вскочил, вышел на кухню, включил свет и увидел, что Боцман сидит на корточках у стены, спустив штаны. В руках он держал страницу, вырванную из самоучителя Эккерзли по английскому языку, которую, очевидно, собирался использовать вовсе не для изучения неправильных глаголов.

Павел выключил свет и вышел в комнату. Оделся, собрал в спортивную сумку свои вещи и вышел из квартиры, которая постепенно заполнялась запахом общественного туалета.

Проходя мимо открытой форточки, Павел вспомнил о ключе, достал его из кармана и забросил в окно.

Железняк тоже провел эту ночь без сна. Лежал на диване в своем кабинете и смотрел в потолок, снова и снова прокручивая в голове детали схемы, которую ему предстоит проверить.

Приоткрылась дверь. Заглянула Татьяна. На ней была белая спортивная футболка.

– Александр Викторович, вам ничего не нужно?

– Все в порядке, Татьяна. Спасибо.

Татьяна прикрыла дверь.

Зачем приходила, чего хотела? У Железняка мелькнула было какая-то игривая мысль по поводу Татьяны, но он поморщился и отогнал эту мысль. Не время. Нужно сосредоточиться.

Глава 18

В Волоковец пришла жара. Асфальт плавился под ногами, прохожих обдавало жаром от проезжавших машин, а тень не приносила облегчения. Пока Андрей дошел от дома до редакции, он весь взмок.

Когда он проходил мимо универмага, навстречу ему попался мокрый от пота мужчина, который держал в руке мобильный телефон.

– Если будут проблемы, сразу звони мне. На мобильный звони! – кричал мужчина в трубку так, чтобы было слышно на всю площадь. И постоянно крутил головой, ловя взгляды прохожих.

Андрей прошел мимо фотомастерской и поднялся на второй этаж. Заглянул в приемную. Галя что-то быстро печатала на компьютере.

– Галя, привет. Шеф у себя?

– Ой, Андрей, привет, – сказала она, не прекращая печатать, – он на верстке.

– Спасибо.

Андрей помедлил секунду перед железной дверью. На двери висел распечатанный на принтере постер фильма «Матрица», в котором верстальщики вместо Нео и Морфеуса вставили головы Лехи и Новикова. Потом открыл дверь и вошел на верстку. Журналистам сюда вход был строго воспрещен. Здесь делалась газета. Здесь по ночам сидела группа выпуска и колдовала над номером. Здесь безжалостно сокращались написанные кровью сердца тексты, здесь придумывались заголовки и подбирались иллюстрации. Здесь всегда было накурено, табачный дым намертво въелся в стены.

У окна стояли составленные в ряд два стола с компьютерами для верстки. За одним из них сидел Новиков и играл в «лайнс» – тупейшую игру в цветные шарики.

– Здравствуйте! – сказал Андрей. Новиков покосился на него и продолжал играть.

– Присаживайся, писатель, – сказал он недоброжелательно, – говорят, не заладилась у тебя писательская карьера.

– Да, не заладилась, – согласился Андрей.

– Что, не пишется или не печатают?

– И то и другое.

– Бывает.

Помолчали.

– Ну и на каких фронтах дальше собираешься кровь проливать?

Андрей пожал плечами. Ведь знает Новиков, зачем он пришел, но почему-то нужно ему покуражиться, нужно, чтобы он вслух признал его правоту, попросил прощения и попросился обратно. А что, если после этого он его не возьмет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.